

Владимир Филиппов
Михаил Елисеев

**Владимир Валерьевич Филиппов
Михаил Борисович Елисеев
10 мифов Древней Руси. Анти-
Бушков, анти-Задорнов, анти-Прозоров
Серия «10 тысяч лет Русской истории»**

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7150411

Владимир Филиппов. 10 мифов Древней Руси. Анти-Бушков, анти-Задорнов, анти-Прозоров: Яуза,

Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-70985-4

Аннотация

Наша древняя история стала жертвой задорновых и бушковых. Историческая литература катастрофический «желтеет», вырождаясь в бульварное чтиво. Наше прошлое уродуют бредовыми «теориями», скандальными «открытиями» и нелепыми мифами.

Сколько тысячелетий насчитывает русская история и есть ли основания сомневаться в существовании князя Рюрика? Стало ли Крещение Руси трагедией для нашего народа? Была ли Хазария Империей Зла и что ее погубило? Кто навел Батыя на Русскую Землю и зачем пытаются отменить татаро-монгольское Иго?

Эта книга разоблачает самые «сенсационные» и навязчивые мифы о Древней Руси – от легендарного князя Руса до Дмитрия Донского, от гибели Игоря и Святослава до Мамаева побоища.

Содержание

Предисловие	4
Гардарика была и до Рюрика...	10
Князь Игорь. Жизнь и смерть «Сына Сокола»	31
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Владимир Филиппов

10 мифов Древней Руси. Анти-Бушков, анти-Задорнов, анти-Прозоров

Кто не чтит прошлого, тот плюет в будущее!

А потому надо бы помочь будущему, восстановив прошлое.

М. Задорнов

Предисловие

О чём эта книга? Всегда первый и справедливый вопрос читателя, взявшего её в руки. Ответим так – эта книга была написана в жанре «Альтернатива альтернативной истории». А что такое альтернативная история?

По большому счёту, правильное название этого явления – исторический ревизионизм, что подразумевает коренной пересмотр (ревизию) устоявшихся исторических концепций. Но в народе это явление называют «альтернативкой», а потому и мы будем это название использовать.

Может сложиться мнение, что сам этот жанр довольно молодой, но это будет заблуждением – просто у нас в стране он появился сравнительно недавно. А между тем его корни уходят в очень далёкое прошлое...

Возможно, что многие удивятся, но титул отца альтернативной истории по праву принадлежит великому римскому писателю Титу Ливию, автору капитальной «Истории Рима от основания города». Сам по себе труд Ливия, безусловно, интересен и представляет огромную познавательную ценность, но при одном условии – нездоровый римский патриотизм автора нужно отбросить в сторону. «Кто на свете всех храбрее, всех сильнее и умнее? Римляне!» – примерно так можно охарактеризовать главную идею его произведения. Учёный способен городить откровенную чушь и передергивать факты, лишь бы любой ценой подтвердить этот тезис, который красной нитью проходит через всё его произведение.

Мы можем только предположить, почему такой хороший историк, как Ливий, вдруг занялся альтернативой. А дело здесь вот в чём. Со времени Эпохи Великих Завоеваний Рим вёл на Востоке захватнические войны, а потому Ливий старался подчеркнуть и выделить их справедливый характер вопреки реальному положению дел. А потому римляне в его изображении – честные и благородные люди, одним словом, – отрада рода человеческого, а жители Востока хитры, изнежены и трусливы.

Но беда была в том, что именно на Востоке возшла звезда Александра Македонского, который и являлся олицетворением всего того, что было враждебно Риму. Римская республика насмерть билась с наследниками грозного базилевса Македонии, и перед Ливием встала дилемма – либо признать, что помимо римлян под солнцем существовали и другие великие цари и полководцы, превосходившие их в доблести, либо...

Либо взять и столкнуть на альтернативной основе Великого Македонца и римских полководцев, – благо непобедимого царя давно уже не было в живых. Что писатель мастерски и проделал, представив дело так, что шансов у Александра в борьбе с Республикой не было. И вывод его был закономерен – базилевс Македонии очень хорош, но только до тех пор, пока не встретился с римлянами на поле боя.

Хотя можно с уверенностью говорить о том, что Великий Завоеватель и понятия не имел, что где-то в Италии находится городок под названием Рим. Это потом римские «аль-

тернативщики» задним числом приписали Македонцу страх и почтение перед сыновьями волчицы – а вдруг римские легионы под стенами Вавилона появятся? Что тогда Царю царей делать, в Индию убегать? Ведь никакие фаланги его от храбрых и благородных римлян не спасут!

В действительности же победоносному македонскому базилевсу было просто наплевать на римских разбойников.

Хотя, скорее всего, если бы Александр знал, какие проблемы этот самый городишко в дальнейшем принесёт его родине да и всему эллинскому миру, он бы явно не поленился и прогулялся со своими ветеранами до самого сердца Италии, раздавив это зло в самом зародыше. Но тут мы автоматически сами перескакиваем в область «альтернативы».

Соблазн велик, а грань тонка, и чтобы перейти её – достаточно лишь шага в сторону, зато сделав его, попадаешь на поляну, полную открытий, больших и маленьких, растущих к твоей радости как грибы после дождя.

Замечтался, увлёкся – и вот уже собирай открытия в корзинку, готовь и подавай голодным до сенсации читателям. Они уже ждут нового блюда, и далеко не каждый готов по достоинству оценить его на вкус.

Так незаметно от истории мы перешли к кулинарии, хотя и здесь видна параллель – ни там ни там не стоит подавать людям отраву к столу. Как основное блюдо, каким бы красивым гарниром она не была бы приправлена. В конце концов, это просто вредно.

Однако мы увидели, что традиции современных историков-«альтернативщиков» зародились давным-давно, в совсем ещё незапамятные времена и не в нашей стране.

А потому нельзя назвать ни господина Бушкова, ни господина Прозорова и иже с ними основоположниками альтернативной истории, даже дуэт Носовский плюс Фоменко не может быть удостоен этих лавров. Но сам факт того, что все вышеперечисленные авторы являются ярчайшими и довольно заметными представителями этого направления, сомнений вызывать не может.

Объединяет их всех лишь то, что правдиво и достоверно излагать исторические факты они не умеют, да и не хотят. Хорошо ещё, если это удаётся делать талантливо. Но это уже дано не всем «альтернативщикам».

Главное, что они могут, – это рассказать всё «совсем не так, как нам об этом рассказывает официальная историография». Однако рассказать не так ещё не значит достичь истины. Для этого не нужны ни знания, ни логика, ни терпение, вполне довольно богатой фантазии, которой у авторов хоть отбавляй.

Поверьте, даже «официальная история», если с ней внимательно ознакомиться, намного интереснее всех тех открытий, которые предлагают нам эти так называемые «историки». Но их это не устраивает, во-первых потому, что хочется дешёвой популярности, а во-вторых, что не каждый из них умеет элементарно работать с источниками. С этим явлением вы не раз столкнётесь на страницах данной книги, а в-третьих, каждый из этих деятелей видит себя новым реформатором, или новым пророком, который откроет глаза людям на «правду» и поведёт их за собой туда, куда его глаза глядят. Одним словом, – мания величия.

О причинах своего увлечения «альтернативой» они говорят по-разному. Вот как их озвучил Александр Александрович Бушков в своей книге «Россия, которой не было»: «Словом, однажды все сплелось воедино – любовь к истории, кое-какие навыки логического мышления и страсть к детективным расследованиям. Именно эти три компонента и породили данную книгу» (А. Бушков).

К чему приводит такой довольно ядовитый симбиоз, вы узнаете, прочитав главы, посвящённые произведениям самого А. Бушкова и других «исследователей», работающих в жанре исторического расследования.

«Ну, а попутно в меру сил и возможностей я попытаюсь справиться с иными загадками прошедших столетий» (*А. Бушков*).

Этой цитатой может начать свою книгу любой из писателей подобного толка. К сожалению, ни сил, ни возможностей авторам явно не хватает. Загадки так и остались загадками, а вот путаницы действительно добавилось. Особенно в молодых неокрепших мозгах, имеющих тягу к истории и сенсациям, но при этом не обладающих определёнными знаниями. Ведь специальными знаниями обладают не все, поскольку далеко не каждому нравится копаться в первоисточниках, собирая истину по крупицам. Да и не только летописи, даже труды Татищева и Карамзина читать готов далеко не всякий. А узнать историю родной страны очень хочется, и при этом желательно, чтобы была она изложена интересно и доступно.

Присутствует у большинства людей тяга к знаниям.

Узнать прошлое Отечества, окунуться в глубь веков, прикинуть на себя проблемы далёких предков всегда интересно. К тому же, читатель привык доверять автору, книгу которого он читает, иначе зачем и в руки брать её! Поэтому красивая картинка в хорошем изложении увлекает. Главное, чтобы изначально нестыковки и глупости не бросались в глаза или были бы подкреплены какими-либо глубокомысленными на первый взгляд рассуждениями. Ведь искать, сколько в данной работе правды и здравого смысла, будет не каждый. Только поэтому труды большинства историков, причисляющих себя к «альтернативным», и пользуются спросом у населения.

«Те, кто привык механически принимать на веру все, о чем гласят толстые, умные, написанные ученым языком книги, могут сразу же выбросить сей труд в мусорное ведро» (*А. Бушков*).

Такой соблазнительный совет даёт А. Бушков на первой же странице одной из своих книг. И правильно, ему не нужны читатели, владеющие даже зачаточными знаниями по русской истории, с теми, кто не в курсе дела, спорить гораздо легче. Поэтому он изначально заманивает потенциального читателя тем, что книга «рассчитана на другую породу людей – тех, кто не чурается дерзкого полета фантазии, тех, кто старается доискаться до всего своим умом и рабскому следованию «авторитетам» предпочтет здравый смысл и логику. По крайней мере, именно такова практика: хороший сыщик и в романе, и в жизни обязан отработать все версии, а не следовать политической конъюнктуре или каким-то своим шкурным соображениям». Красиво и главное лестно, ведь каждый хочет себя чувствовать именно таким, каким рисует его Бушков.

А отсюда и все беды. Потому что нельзя историю настоящую подменять красивыми байками и сказками «альтернативщиков». Нельзя историческую память народа подменять занимательными бреднями и фантазиями новоявленных просветителей.

Люди, гораздо более достойные, нежели те, кто выворачивает отечественную историю наизнанку, это прекрасно понимали. «... Давно ушедшие люди с их страстями, помыслами и поступками, царства и кумиры, моря крови и слёз, пёстрые факты, широкие обобщения.

Однако память – это ничем не заменимый хлеб насущный, сегодняшний, без которого дети вырастут слабыми незнайками, неспособными достойно, мужественно встретить будущее» (*В. Чивилихин*).

Не у всех мифов есть конкретный автор. Не у всех. Однако как вы вскоре увидите, те из них, которые мы разбираем в данной книге, таких авторов имеют. И мало того, постепенно начинают утверждаться в людском сознании.

Наиболее показательной в этом отношении является та работа, которую ведёт Лев Рудольфович Прозоров. Писатель трудится, можно сказать, не разгибая спины, лишь бы принести свои теории в массы. А теории эти, мягко говоря, довольно своеобразные, хотя на первый взгляд и достаточно привлекательные. Можно сказать, что в своё время и мы подда-

лись дару убеждения маститого литератора, приняв на веру некоторые из его постулатов. Но так продолжалось лишь до тех пор, пока не возникло желание сопоставить все его откровения с письменными источниками. В итоге рухнул «деревянный кумир», поскольку все его утверждения оказались обыкновенным сухостоем. И сей колосс рухнул от лёгкого тычка.

Что и говорить, пером Лев Рудольфович владеет мастерски, может и криком исходить, а может и слезу пустить в удобном случае, только вот беда, весь этот пафос и эмоции не могут заменить реальных исторических фактов.

Иногда, рассуждая о каком-либо милом его сердцу постулате, Прозоров способен гордиться откровенную чушь, но настолько красиво и эмоционально, что вместо естественного возмущения она может вызвать лишь умиление и восторги.

Вот лишь один пример.

Рассуждая о всемирной славянской державе, которая является навязчивой идеей писателя, он на всю страну заявил о том, что Сибирь и Дальний Восток России **не нужны!** «Такими темпами Русь не скоро дойдет до Тихого океана – если вообще дойдет.

А зачем, собственно? Ведь Русь Святослава осуществит мечту геополитиков XX века – осуществит «непрерывную пространственную связь между Северным морем и Персидским заливом» (*Артур Дикс*), захватив «европейскую геополитическую диагональ». Так на кой шут русам захватывать дикие земли – и дичать там самым рядом с их дикими племенами?

В этом варианте истории нет никакой «Евразийской державы». Русь – это четкость границы, рубеж между азиатами и Европой. Ничего смутного, «вечно бабьего», никакой безответственности, бесформенности, бестолочи, безалаберности, безобразности. Гораздо меньше грязи, скотства и рабства, столь любезных нашим «евразийцам» – азиопцам, пытающимся выдать их за некую исконно русскую «особость». Честно говоря, сей перл даже комментировать не хочется. Выходит, что по глубочайшему убеждению автора, присоединив Сибирь и освоив Дальний Восток, русские люди стали там дичать вместе с проживающими местными «дикими племенами»? И только поэтому появились в России такие явления, как «безответственность, бесформенность, бестолочь, безалаберность, безобразность»? И накрыло страну что-то «смутное»? (*Л.П.*)

А уж что имел в виду автор, когда говорил о «вечно бабьем», мы думаем, что ни один мудрец, будь он хоть сто раз Сократ или Диоген, ответить не сможет. Ибо та гремучая смесь, что бурлит в голове у Льва Рудольфовича, не поддаётся никакому анализу. Что же касается жителей Сибири и Дальнего Востока, то они и не знали, пока им Прозоров глаза не открыл, что являются потомками одичавших русских поселенцев.

Однако, слава Богу, в России-матушке не один Прозоров историей занимается, и это оставляет надежду на лучшее. Ну а все эти бредни о «вечно бабьем» и сожаление о том, что русские дошли до Тихого океана, можно прихлопнуть одной-единственной цитатой – правда, вместо Тихого океана речь там пойдёт о Северном.

Но сути дела это не меняет.

«Могущество Российское прирастать будет Сибирью и Северным океаном». И сказал это не абы кто, а Михаил Васильевич Ломоносов, Великий Учёный и Патриот России. И мы думаем, что любой здравомыслящий человек с этим согласится.

Ну а дальше Лев Рудольфович растекается мысью по древу и начинает петь хвалу тому самому миру, который существует в его воображении. «Сталь волн Варяжского моря. Сталь глаз соколят из Рюрикова гнезда. Ясность. Четкость. Ответственность. Прямые полосы тяжёлых клинков, беспощадных и справедливых, несущих честное имя кузнеца-руса на своих стальных телах. Четкость строя «стены» кольчужников-русов и четкость каст-«родов».

А затем следует припев: «Не мутненькая холопья славянщина «голубиных народцев» и «мужичка-богоносца», а стальная ясность славянства – жрецов, воинов, господ».

Опять непонятно – где это в наши дни Лев Рудольфович откопал «мужичка-богоносца» и «голубиный народец»? Ответа нет. Про соколят из Рюрикова гнезда тоже за уши притянута, сему залётному «Соколу» и его гнезду целая глава в книге посвящена. Байки про ясность, чёткость и ответственность тоже ни к селу, ни к городу, поскольку многие из «соколят» обо всех этих похвальных качествах забывали, как только дело касалось грабежа и добычи. Ну а рассказав о «честном имени кузнеца-руса», автор вольно или невольно поставил под сомнение честность кузнецов в других странах и у других народов. Как-то вот так оно получается.

Кстати, о выражении «Растекаться мысию по дереву», которое в наши дни звучит несколько иначе – «Растекаться мыслию по дереву». Вот что по этому поводу отметил В. Серов: «Неверно переведенная строка из памятника древнерусской литературы «Слово о полку Игореве», которая, тем не менее, в современном русском языке живет своей, самостоятельной жизнью.

В «Слове» сказано: «Боян вещий, если кому-то хотел сложить песнь, растекался мысию по дереву, серым волком по земле, сизым орлом под облаками».

«Мысь» в переводе со старославянского – «белка». Соответственно автор говорит, что Боян, складывая песнь, охватывал мысленным взором весь мир – бегал белкой по дереву, серым волком – по земле, летал орлом под облаками.

Примечательно, что, например, в Псковской губернии еще в XIX веке белку называли именно так – «мысью».

Иносказательно: вдаваться в ненужные подробности, отвлекаться от основной мысли, затрагивать разные побочные, подобно ветвям дерева, темы и т. д. (*шутл. – ирон.*). Для характеристики творчества Льва Рудольфовича сия строка подходит идеально!

Итак, альтернативная история Древней Руси. Даже такой мастер «альтернативки», как Бушков, признаёт, что для того чтобы докопаться до истины, нужны «кое-какие навыки логического мышления».

Вот и прекрасно, мы нашли ту почву, на которой и будем строить свои концепции. ЛОГИКА и ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ, только мы добавим сюда ещё знание материала, о котором идёт речь.

Возможно, кому-то показалось, что мы излишне резко и абсолютно беспричинно нападаем на заслуженных и популярных писателей. Согласимся, это недопустимо, но совсем скоро вы сможете убедиться, что ни одна из наших нападок не будет беспочвенной. Ещё раз повторимся: логика, здравый смысл и факты, факты, факты, на этом и будет строиться наш диалог с Александром Александровичем Бушковым, Львом Рудольфовичем Прозоровым и другими замечательными авторами и писателями.

Именно диалог, потому как цитат из написанных ими книг будет чуть меньше, чем наших возражений. Мы не будем беспардонно затыкать им рот, наоборот, дадим возможность высказаться. Таким образом, у нас получится несколько своеобразный диалог. Или это можно себе представить как интервью с комментариями, поскольку мы возьмём на себя смелость поправлять авторов в некоторых местах. А что касается логики, то, как говорит сам господин Бушков, обижаться на неё нельзя.

По некоторым вопросам мы вообще солидарны с этими писателями. Например, мы разделяем тревогу А. Бушкова по поводу того, что «никто не дает себе труда вернуться к первоисточнику, и ошибочное утверждение кочует из книги в книгу, из статьи в статью. А потом к нему привыкают настолько, что иная точка зрения представляется вовсе уж злодейским покушением на устои...» (А. Бушков).

Именно так мы и постараемся делать. Именно от этой здоровой мысли мы и будем отталкиваться.

Значит, критерии у нас и у них одни и те же.

Выводы вот получаются противоположными. Жаль.

Однако судьями в этой ситуации выступают читатели. Они сами выберут для себя, чья «правда» им ближе.

«Что очень важно, я не хотел никого обидеть, прошу иметь это в виду» (*А. Бушков*).

И под этими словами Александра Александровича мы можем подписаться.

Так в чём же состоит цель данного произведения?

А она достаточно проста – помочь Бушкову и Прозорову, а также их многочисленным читателям найти дорогу к истине, чем и обогатить свой интеллектуальный багаж.

Ведь тема ключевых моментов истории Древней Руси – тема действительно болезненная, и именно поэтому она даёт определённый повод для манипуляций.

Мы не объявляем себя истиной в последней инстанции, это лишь спор, возможно, идеологический, но именно в споре рождается истина.

«Одним словом, я не могу знать заранее, какие чувства будет испытывать читатель этой книги, но могу, думается, гарантировать одно: скучать ему не придется...» (*А. Бушков*). И это мы тоже постараемся обеспечить.

«Сейчас этот клубок разматывают сразу многие с разных сторон. Истина по-прежнему где-то внутри, мы все, вместе взятые, лишь проясняем отдельные темные места, а посему не нужно торопиться...» (*А. Бушков*). Давайте понемногу начнём сматывать этот дурацкий клубок обратно, чтобы убрать его туда, где ему и положено находиться. То есть в чулан.

Это присказка, не сказка, сказка будет впереди.

Но хватит предисловий. Давайте перейдём непосредственно к самому действию.

Сейчас мы разберём десять мифов из альтернативной истории Древней Руси, получивших наибольшую популярность в кругах любителей истории.

Гардарика была и до Рюрика...

Миф первый – князь Рюрик, основатель государства Российского.

Краткая формулировка предлагаемого мифа. «В истории России много загадок. Но есть одна особенная – тайна тайн! Кем был тот первый русский князь Рюрик, с которого, как написано в летописи: «...есть и пошла земля русская...»?

В этом году исполняется 1150 лет с того года, в который, согласно летописи, Рюрик с братьями пришел княжить к восточным славянам из-за моря, после чего и образовалось государство Русь. А позже – Россия.

Важнейшее событие для нашего государства!» (*М. Задорнов. Князь Рюрик*).

Количество мифов в отечественной истории поражает. Но самое интересное, что со временем их количество не убывает – наоборот, они растут как грибы после дождя. Причём наблюдается интересная закономерность, можно даже сказать, круговорот российских мифов в природе. Некоторые из них под давлением политической обстановки или просто за ненадобностью уходят в небытие либо замещаются иными, на данный момент более нужными и актуальными. Одни оказываются более устойчивыми, другие лишь популярными и не выдерживают проверку временем, третьи, не успевши набрать силу, рассыпаются в прах. Вот о них, о мифах, особенно тех, которые создаются в наши дни, мы и поговорим.

Начнём мы с мифа на удивление живучего, стойкого, занявшего прочное место в истории Руси, а позже и России. Можно сказать, краеугольного камня, на котором зиждется наше прошлое. Интерес к которому, несмотря на его почтенный возраст, не ослабевает. Миф, вокруг которого сломано столько копий, лбов и карьер, что даже представить себе страшно, и эта борьба продолжается до сих пор.

Мы не будем участвовать в этой жаркой схватке, просто попробуем взглянуть на эту проблему с иной стороны.

Как вы все, наверное, знаете, князь Рюрик – отважный северный воин, который пришёл на Русь с Заката и стал основателем Русской государственности.

В чём же тогда причина споров, что кипят уже несколько веков?

Ведь если спор кипит, причина должна быть, и значит, есть как минимум две стороны спорщиков.

Первую сторону знает большинство людей, интересующихся историей. Это так называемые норманисты. Их теория состоит в том, что Рюрик к славянам не имеет никакого отношения, а является почтенным европейцем – то ли викингом, то ли ещё кем, одним словом, – норманном. И вот он, по большой просьбе наших сограждан, явился в новгородскую землю, навёл там порядок и расширил ее в меру своих возможностей на ту территорию Руси, до которой смогли дотянуться его руки. Выстроив прочную вертикаль власти, он основал династию, после чего и помер, возможно, надорвавшись от таких непосильных трудов.

Одним словом, приобщил дремучих и диких славян к прогрессивным европейским ценностям.

Естественно, людей патриотически настроенных такой подход к делу не устроил, а потому и возникла другая версия – Рюрик никакой не викинг и не норманн, он выходец из земель славян-ободритов (бодричей). Это тоже Запад, только совершенно иной менталитет.

И началось! Щиты и чубы трескали, не выдерживая напряжения схватки! Уступать никто не хотел. В дело шли самые различные приёмы и приёмчики, вплоть до запрещённых ударов. И если даже борьба на какое-то время утихала, то лишь для того, чтобы вспыхнуть чуть позже и с новой силой.

Если после этого предисловия вы настроились на то, что вот сейчас мы поделимся сокровенным открытием, кем же был Рюрик на самом деле, то вы ошиблись. Этот вопрос

нас как раз совершенно не волнует. Так что и раскрытия древних тайн не будет. Не ждите. Ведь на самом деле не в этом, собственно, дело. Главное заключается в ином. Надо взглянуть на проблему под другим углом, и тогда этот вопрос, возможно, перестанет волновать и вас.

И возникает задача, которую надо решить, – был ли князь Рюрик тем основателем Русской государственности, о чём так много и долго говорят. Или на Руси всё уже было построено и до него? Что останется тогда? Династия? Да, возможно, но и к этому вопросу мы вернёмся, правда, уже в другой главе. В этой поговорим о государстве, и о той пользе, которую принёс ему легендарный князь Рюрик в частности.

Начнём с того, что государство на Руси существовало задолго до этого самого Рюрика. И было оно достаточно мощным и стабильным. Оно уже досаждало самой Византии, периодически нервировав базилевсов своей активностью. Давно был построен город Киев, будущая столица Руси на долгие века. Уже славяне-поляне ходили походами на других своих братьев по крови – древлян и уличей, расширяя пределы зарождающегося государства, накладывая на них дань, собирая под одно крыло. Притом это крыло ещё не было крылом нашего «Сокола». Активно развивалась торговля с Западом и Востоком. Наши купцы уже возили туда мёд и меха, а Рюрик всё ещё торчал на своём острове и к этому процессу не прикладывал ни своих сил, ни трудов. В данный момент он лишь «штык точил, ворча сердито, кусая длинный ус». Пока он мог только завидовать чужим успехам и облизываться, как кот на сметану.

Так вот, пока варяг облизывался, молодое Русское государство росло не по дням, а по часам, крепло, богатело, процветало, и никакой Рюрик, Рарог, или даже Трувор с Синеусом ему были совершенно не нужны. Там была своя династия. Свои славянские князья, и не глупее нашего заморского героя.

Увлёкшись частностями, «норманисты» и «патриоты» упустили из виду основной момент.

Наши предки создали державу без помощи пришельца с Запада, и совершенно неважно, кто он был – викинг или варяг. Это частности.

Потому что нельзя создать то, что уже давно существует.

На тему становления Русской государственности обратил внимание и Михаил Задорнов, выдвинув свою теорию. Прежде чем перейти к разбору этой самой теории, чему, собственно, и посвящена эта глава, сделаем небольшое лирическое отступление. Обозначим свою позицию, как, собственно, мы сами относимся к тому, что популярные, известные совершенно в иной сфере люди занимаются тем, что несут своё видение истории в массы. На самом деле, это совсем неплохо, если талантливый человек пытается в доступной и популярной форме, интересно, без передёргиваний и искажений рассказать о наиболее значимых событиях отечественной истории. Это даже здорово. Ведь одним своим именем он может привлечь куда больше народу к проблеме, чем это сделает масса безусловно умных учёных и знающих мужей, читать работы которых из-за той же учёности возьмётся далеко не каждый. Ибо не всякий захочет рыться в летописях, источниках и даже листать труды известных и мастеровитых историков. Ведь большинству хочется всё узнать, но так, чтобы это было легко, увлекательно, по возможности весело и при этом хорошо, если бы было близко к истине. Так что отвергать любую помощь, особенно талантливо написанную, просто неразумно. Особенно тогда, когда и Интернет, и книжные магазины просто перегружены вредными и при этом часто нелепыми теориями «альтернативных историков», о которых мы и поведём речь в данной книге. По большому счёту, Михаилу Николаевичу Задорнову явно не место в компании тех деятелей, о плодотворной работе которых на ниве просвещения русского народа будет рассказано в этой книге. Ибо один из них выдвигает глобальные идеи, никем и ничем не подтверждённые, а другой открыто фальсифицирует отечественную историю в угоду своим религиозным взглядам. При этом оба настолько плодотворны, что создаётся ощущение того, что их труды размножаются уже путём почкования, без участия самих

авторов, спекулирующих на интересе читателя к истории. В своём «мифотворчестве» оба неутомимы. Единственное, что хоть в какой-то мере объединяет их с Задорновым, так это то, что все трое позиционируют себя с частными сыщиками – Михаил Николаевич с Шерлоком Холмсом, Прозоров постоянно тычет пальцем в сторону патера Брауна, а Александр Александрович Бушков заявил честно, что он детектив-любитель. Но только это и более ничего.

В тему нашей работы хорошо впишется цитата из книги самого Задорнова: «Видимо, сегодня украденной былью всего человечества (не только России) должны заниматься энтузиасты по воле сердца, а не за деньги».

Совместив одно с другим, Михаил Николаевич начал заниматься поисками украденной российской были, стараясь добросовестно и кропотливо разобраться в тех вопросах, с которыми хотел ознакомить читателей. К источникам относился бережно, за глобальными сенсациями не гнался. Если и заблуждается при освещении некоторых моментов, то искренне.

Но не ошибается тот, кто ничего не делает.

На этом отступление закончим. Это была присказка, не сказка, сказка будет впереди. Миф есть миф. Займёмся им.

Итак, князь Рюрик.

Нет ничего удивительного в том, что М. Задорнов, рассуждая о загадочном северном князе, пошёл той же дорогой, что и большинство исследователей. Как истинный патриот, он начал с норманнской теории.

«Первая теория, так называемая норманнская, появилась еще при Екатерине II. Разработали и обосновали ее с немецкой тщательностью ученые, академики-немцы, приглашенные в Россию императрицей. Этакie «варяги» в науке. Их теория сразу получила одобрение царского «верха». Тут надо напомнить, что Екатерина была чистокровной... немкой! Как ей могло не понравиться утверждение, будто первым великим князем у славян был немец? Что он организовал этих ни к чему не способных многочисленных варваров-дикарей-славян?» (М. Задорнов).

Всё ясно, всё понятно. И тут Европа нам пытается ценности свои навязать, и щедро славян ими обогатить. Прямо в крови это у европейцев заложено – нести просвещение необразованным славянским народам! И не только славянским, можно и тем, у кого есть нефть. Или другие ценные ископаемые. Так сказать, совмещать полезное с приятным.

«Запомните три фамилии: Шлецер, Миллер и Байер. Вот они – три вируса российской истории-новодела, три основных источника – чуть не сказал марксизма-ленинизма – создания общепринятой кривды...

Красиво звучит, правда? Шлецер, Миллер, Байер... Просто как строчка из песни, хоть на музыку клади.

Они, между прочим, этого заслуживают. С немецкой тщательностью эта «русская» тройка отредактировала российскую историю» (М. Задорнов).

Всё правильно и верно говорит Михаил Николаевич, мы целиком и полностью согласны с его умозаключениями, но есть один существенный момент, на который популярный писатель не обратил внимания.

Дело в том, что создателем норманнской теории была вовсе не эта пресловутая немецкая троица, а совсем другой человек. Который жил значительно раньше Шлецера, Миллера, Байера и которого никто на Русскую землю не приглашал, поскольку он здесь родился. Звали этого человека Мстиславом, а по отчеству Владимирович, поскольку он был старшим сыном легендарного Киевского князя Владимира Мономаха.

Именно он, а не заезжие немцы из XVIII века, начал сознательно искажать и фальсифицировать отечественную историю в угоду политической конъюнктуре времени. А она заключалась в том, что его отцу Владимиру Мономаху очень импонировала мысль о призвании варягов народными массами, поскольку он сам занял Киевский стол по призыву жите-

лей столицы в нарушение всех существующих тогда норм и законов о престолонаследии. Именно здесь и надо искать истоки темы создания Русской государственности конкретно варягом Рюриком, а не кем-то другим. А нам бы всё только немцев ругать. У нас и своих мастеров без счёта, да таких, что немцы только на подхвате. Хотя в сообразительности им не откажешь. Умеют пользоваться тем, что само в руки плывёт.

Сам Мономах был образованнейшим человеком своего времени, а потому нет ничего удивительного в том, что он заинтересовался трудом Нестора. Но ознакомившись с ним, Владимир Всеволодович велел отредактировать «Повесть» в духе времени, что было поручено сделать игумену Выдубицкого монастыря Сильвестру в 1116 году. Но очевидно, что игумен слишком деликатно подошёл к своему поручению и постарался как можно бережнее обойтись с первоисточником. До добра это не довело. Видя, что дело забуксовало и нужного результата быстро ожидать не приходится, труд у него изъяли, и в дело переработки влез уже сам князь Мстислав. Чтобы, так сказать, на личном примере...

Эта беда, по мнению академика А.А. Шахматова, случилась в 1118 году.

Но Михаил Николаевич продолжает считать главными фальсификаторами немецкую триоцу: «Кстати, именно в то время пропали, бесследно исчезли многие летописи, написанные северными монахами, в частности Ипатьевская летопись, Иоакимовская и другие, в которых гораздо подробнее описывается призвание варягов. Слава Богу, что Татищев успел одну из этих летописей переписать.

Кстати, «достовернейшая» Лаврентьевская летопись, которую начинал писать Нестор на рубеже X–XI столетий, до нас дошла тоже лишь переписанная на бумаге... XVI века! Я эту бумагу внимательно изучил и даже на зуб попробовал. Уверяю вас: «на вкус» не раньше XVI века! Так почему она достовернее той же Иоакимовской? (М. Задорнов).

Возможно, что «на вкус» Лаврентьевская летопись действительно датируется XVI веком, но «вкусовые рецепторы» могут и подвести. Да и изучать лучше б было не бумагу. Бумага она что, всё стерпит, её хоть жги, хоть кусай, а иного ответа не даст. Ответ не в ней, он в тексте. Тут сколько ни жги, ни вымарывай, а правда где-нибудь да вынырнет. Как говорили в революцию – всё не пережжешь!

Для нашей же, русской исторической науки ключевым стал год 1118-й. Вот тогда-то и начали всячески превозносить роль Новгорода в процессе создания Русской государственности, хотя в действительности в те легендарные времена роль Господина Великого была равна нулю. Недаром Б.А. Рыбаков указал на один очень существенный момент: «Мы обязаны отнестись с большой подозрительностью и недоверием к тем источникам, которые будут преподносить нам Север как место зарождения Русской государственности, и должны будем выяснить причины такой явной тенденциозности».

А причины эти лежат на поверхности.

Вся жизнь Мстислава была связана с Севером, поскольку он с детства сидел князем в Новгороде. Мать его была дочерью храброго английского короля Гарольда, павшего в битве с норманнами, а сам князь был женат на шведской принцессе. После смерти супруги в 1122 году Мстислав вступает в брак с дочерью новгородского посадника Дмитрия Завидича. Таким образом, мы видим, что все интересы сына Мономаха были связаны с Северной Русью, а не Русью Южной – отсюда и его подход к делу.

Итоги подобного творчества подвёл академик Б.А. Рыбаков: «В результате редакторско-литературных усилий ... создается новая, особая концепция начальной истории, построенная на двух героях, двух варягах – Рюрике и Олеге. Первый возглавил целый ряд северных славяно-финских племен (по их просьбе) и установил для них порядок, а второй овладел Южной Русью, отменил дань хазарам и возглавил удачный поход 907 или 911 года на греков, обогативший всех его участников.

Вот эта простенькая и по-средневековому наивно персонифицирующая историю концепция и должна была заменить широко написанное полотно добросовестного Нестора».

Мстиславу надо отдать должное – он настолько основательно искажил и изуродовал текст «Повести временных лет», что кардинально изменился смысл самого произведения. «Сочиненная ... по образцу североевропейских династических легенд, история ранней Руси оказалась крайне искусственной и резко противоречившей тем фрагментам описания русской действительности Нестором, которые уцелели в летописи после редактирования» (Б.А. Рыбаков).

И действительно, невзирая на все потуги Мстислава и его подпевал, от первоначального текста «Повести» уцелели более или менее крупные отрывки, которые вместе с текстами других летописных сводов дают нам совершенно иную картину становления Русской государственности. И особое место среди них принадлежит Никоновской летописи.

Эта летопись, названная по имени патриарха Никона, которому принадлежал один из списков, специально для него выполненный, в первоначальной редакции доводила изложение с древнейших времён до 1520 года. Данный свод является крупнейшим памятником русского летописания XVI века. «Основная ценность Никоновской летописи состоит в богатстве сведений по русской истории: ее составители, стремясь к наибольшей полноте, соединили извлечения из нескольких летописных сводов. Есть в Л. Н. и уникальные, только в ней встречающиеся известия» (О.В. Творогов). О том же говорит и академик Б.А. Рыбаков: «Никоновские записи ценны тем, что в отличие от «Повести временных лет», искаженной норманнистами начала XII века, они рисуют нам Русь (в согласии с уцелевшими фрагментами текста Нестора) как большое, давно существующее государство, ведущее активную внешнюю политику и по отношению к степи, и к богатой Византии, и к далеким северным «находникам», которые были вынуждены объезжать владения Руси стороной, по обходному Волжскому пути» (Б.А. Рыбаков).

Составители этого грандиозного летописного свода пользовались достаточно большим количеством древних документов, которые в дальнейшем были утрачены. А потому не случайно, что именно там мы находим наиболее точные сведения об интересующем нас периоде русской истории, в частности именно в Никоновской летописи мы встречаем раздел, который так и называется – «О князе Русском Осколде». По версии академика Б.А. Рыбакова, этот фрагмент можно датировать IX веком, причём он является уцелевшим отрывком из «Летописи Аскольда», которая велась в Киеве до пришествия Олега Вещего.

Здесь мы имеем довольно занимательную картину, стоящую того, чтобы о ней поговорить. Те самые сведения об интересующем нас периоде образования Русского государства, которые мы находим в Никоновской летописи, излагают произошедшие события под совершенно иным углом, чем показывает её «Повесть временных лет». Не с варяжской точки зрения, а с точки зрения киевских правителей! Что само по себе интересно.

Что же мы наблюдаем? Оказывается, подход к проблеме становления Русского государства был у летописцев разный.

«Мы не знаем, какова была действительность, но тенденция здесь (в Никоновской летописи) резко расходится с той, которую проводили летописцы Мономаха, считавшие варягов единственными претендентами на княжеское место в союзе северных племен. Тенденцию эту можно определить как прокиевскую, так как первой страной, куда предполагалось послать за князем, было киевское княжество полян. Дальнейший текст убеждает в этом, так как все дополнительные записи посвящены деятельности киевских князей Асколда и Дира» (Б. Рыбаков).

Но именно существование сильного и стабильного государства на Руси не вписывалось в концепцию позднейших редакторов «Повести временных лет». Стараясь изо всех сил

связать становление державы с именем пришельца с Запада, они резали и кромсали капитальный труд Нестора.

Итогом редакторской деятельности Мстислава стало то, что из истории были вычеркнуты имена тех, кто действительно закладывал основы Русского государства, создавал его своим потом и кровью. Их место занял некий Рюрик, который и научил, наконец, наших предков тому, как надо правильно жить, хотя о том, что он делал до этого, судить невозможно. Никаких документов нет, одни лишь догадки.

И тут в ход идёт художественная литература.

Историки напрасно тратят время, выясняя, кто он такой и откуда пришёл, вместо того чтобы внимательнее присмотреться к тому, а что, собственно, представляла собой Русь к моменту призвания в Новгород варягов? Какие события там происходили?

Почему ими с таким упорством игнорируется сам факт существования сильного и стабильного государства, которое вело такую активную внешнюю политику, что попало даже в византийские источники, уделявшие славянам немало места, а также задолго до Владимира Святого сделало первый шаг к принятию христианства?

Почему всё сводится к имени варяга без рода и племени, который даже династию после себя не оставил? (Об этом будет рассказано в главе про князя Игоря).

Вопросов много, ответов, как всегда, меньше. Вот и Михаил Николаевич ушёл в иную сторону и там заблудился, занявшись поисками ответа на вопрос: «Как русские могли поверить в то, что их первый князь, основавший такое великое государство, был шведом?»

Или: «Конечно, вполне правомерно, как многие, задавать вопрос: «А зачем вообще нужно знать о том, кем был Рюрик? Не все ли равно. Подумаешь, скандинав, немец, славянин?» Да нет, дорогие мои, разница очень существенная» (М. Задорнов).

Пойдём этим же путём. Ответим М. Задорнову вопросом на вопрос. Только вектор направления изменим.

А с чего вы взяли, что именно варяг был первым русским князем? Ведь в летописях содержится совершенно другая информация!

Поэтому нам абсолютно всё равно, откуда родом этот самый Рюрик – из суровых викингов или храбрых варягов, угрюмых тевтонов или горячих финнов, пусть даже из весёлого африканского племени мумба-юмба. Незачем нам знать, кем он был. ОН НЕ ЯВЛЯЕТСЯ СОЗДАТЕЛЕМ НАШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ, ОНА УЖЕ БЫЛА СОЗДАНА ЗАДОЛГО ДО РЮРИКА И БЕЗ ЕГО УЧАСТИЯ. Одного этого вполне достаточно. А там будь он хоть узбеком.

«Согласитесь, чтобы праздник удался, желательно народу понимать: кем был Рюрик, откуда пришел, ради чего? Из-за какого моря, какого он был рода? Немец, швед, норманн, западный славянин? Князь, витязь, воин, купец или вообще бомж без роду без племени?» (М. Задорнов). Не согласимся. Чтобы такой праздник удался, можно даже ничего не знать о Рароге-Рюрике совсем. День основания государства с ним связан точно так же, как и с любым христианским праздником. Рюрик не Дед Мороз, и не он осчастливил дремучих славян, а скорее, наоборот. Они дали ему всё, даже место в истории.

И не объявись сей персонаж на Севере, туда бы всё равно пришли киевские дружины, и Русь Северная соединилась бы с Русью Южной. Здесь без вариантов. А потому утверждение Задорнова о том, что «разбойник знатного княжеского рода бодричей образовал будущую великую Русь» выглядит, мягко говоря, натянутым.

Такой сложный процесс, как становление государства, ни в коем случае нельзя связывать с именем одного человека. Это очень трудоёмкое и длительное дело.

«Средневековые летописцы непозволительно сжали весь процесс рождения государства до одного-двух десятилетий, пытаясь уместить тысячелетие создания предпосылок (о чем они и понятия не имели) в срок жизни одного героя – создателя державы. В этом ска-

звался и древний метод мифологического мышления, и средневековая привычка заменять целое его частью, его символом: в рисунках город подменялся изображением одной башни, а целое войско – одним всадником. Государство подменялось одним князем.

Сжатие исторического времени сказилось в том, что основание Киева, которое (как мы установили теперь) следует относить к концу V или к первой половине VI века нашей эры, некоторые летописцы ошибочно поместили под 854 годом, сделав Кия современником Рюрика и сплющив до нуля отрезок времени в 300–350 лет. Подобная ошибка равнозначна тому, как если бы мы представляли себе Маяковского современником Ивана Грозного» (*Б.А. Рыбаков*).

Прекрасное сравнение, лучше сам Михаил Николаевич бы не нашёл.

Вот каких дров наломал старший сын Мономаха! Вот кто посеял в русских умах разброд и шатание, а заморским историкам подарил целую теорию, которой те с благодарностью и воспользовались. Русский князь преподнёс иноземцам то, до чего они сами вряд ли бы додумались. То блюдо, которое он состряпал из грандиозного исторического труда Нестора, полностью отвечало взгляду на историю России немецкой троичи.

Сам Мстислав, неизвестно за какие заслуги и деяния прозванный летописцами Великим, да и то задним числом, фигура довольно жалкая. Именно в его правление зашаталась и начала рушиться единая до того Киевская Русь, начал набирать ускорение процесс феодальной раздробленности. Мстислав Владимирович не обладал ни политическими, ни военными талантами отца, так что если в чём и преуспел, так это на ниве фальсификации русской истории.

Однако теория норманизма устроила далеко не всех. Понятно, что русские патриоты приняли эту идею в штыки! Что вы нам втираете? Сами с усами, тоже не лаптем кисель хлебаем, и без всяких ваших заморских дядек наши предки смогли построить своё государство.

«Вторую «партию» ученых, которые не принимали норманнскую теорию, норманисты обозвали «позорным» словом «славянофилы». Обвинили в том, что утверждения последних ни на чем не основываются, кроме как на ложном чувстве патриотизма. Хотя среди антинорманистов были такие уважаемые ученые мужи, как Ломоносов, Татищев, Шишков и другие» (*М. Задорнов*).

Началась борьба.

И вот теперь есть смысл взять и сравнить свидетельства не только русских летописей, но и других письменных источников, в том числе и иностранных, чтобы посмотреть на деятельность Рюрика и его славянских противников из Киева.

Приступим!

Начнём с цитаты из «Повести временных лет», она довольно обширна, но в ней содержится упоминание обо **всех** достижениях варяга на Севере Руси. В следующий раз он упоминается в «Повести» лишь в связи со своей смертью.

«В год 6370 (862). Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готландцы, – вот так и эти. Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, – на Белоозере, а третий, Трувор, – в Изборске. И от тех варягов прозвалась русская земля. Новгородцы же – те люди от варяжского рода, а прежде были словене. Через два же года умерли Синеус и брат его Трувор. И принял всю власть один Рюрик, и стал раздавать мужам своим города – тому Полоцк, этому Ростов, другому Белоозеро. Варяги в этих городах – находники, а коренное

население в Новгороде – словене, в Полоцке – кривичи, в Ростове – меря, в Белоозере – весь, в Муроме – мурома, и над теми всеми властвовал Рюрик».

Вот как-то так. Как видим, ничего гениального.

А главное, всё тихо, мирно и спокойно. Идиллия.

Но только на первый взгляд.

И здесь поистине бесценными оказываются сведения, которые чудом сохранились в Никоновской летописи. Вот они рисуют совсем другую картину, где ни благодати, ни благолепия, которое мы только что видели, нет и в помине – свою власть на Руси Рюрик устанавливает огнём и мечом. Сразу оговоримся – датировка событий «Повести» и Никоновской летописи отличается, причём сведения из летописи патриарха на наш взгляд более достоверные. А почему, мы расскажем чуть позже.

Год 872. «Того же лета оскорбишася Новгородци, глаголюще: **«Яко быти нам рабом, и много зла всячески пострадати от Рюрика и от рода его»**. Того же лета уби Рюрик Вадима храброго и иных многи изби Новгородцев светников его».

Подобная информация содержится ещё лишь в двух источниках – «Книге Степенной Царского Родословия» и «Истории Российской» В.Н. Татищева. Как и в случае с «Повестью», между известиями Никоновской летописи и Татищева есть небольшое расхождение в датах, но по большому счёту это не существенно, ибо важна сама суть события. Хотя мы будем по-прежнему придерживаться хронологии, которая указана в летописи патриарха.

«Тогда бо Рюрик уби некоего храбра Новгородца именем Вадима и иных многих Новгородец, советников его» (Книга Степенная Царского Родословия). Примечательно, что храбрами на Руси называли богатырей, а потому это известие приобретает несколько иной смысл. Что Рюрик убил не смелого и отчаянного, но бесшабашного и мятежного новгородца, а русского богатыря по имени Вадим. Профессионального защитника Отечества.

А вот что сообщает Василий Никитич – «6377 (869). В сии времена славяне бежали от Рюрика из Новгорода в Киев, так как убил Водима, храброго князя славянского, который не хотел как раб быть варягам». В примечаниях историк отметил: «Вадим – князь славянский. Сей Вадим, видимо, по сказанию Иоакимову, был сын старшей дочери Гостомысла, князь изборский, и по старшинству матери его наследник престола, и по той вражде убит, здесь же ясно Нестор сказал, что некоторые славяне, не желая под властью Рюрика, как варяга, быть, бежали».

Ну и где она, эта всенародная радость по поводу действий варяга? Её нет! Зато налицо настоящая междоусобица на Севере Руси. Мы видим, что Рюрик занимается лишь укреплением личной власти, а больше ничем. При этом он обрушивает репрессии на несогласных, убирает возможных конкурентов с дороги, а его варяги, в смысле – соколы, смотрят на местное население как на рабов. Причём летописец чётко разделяет славян и пришлых варягов, разводя их по разные стороны баррикад.

Давайте сразу отметим, что это были два единственных упоминания о храбре Вадиме, иных нет, можете не искать, напрасно тратя время.

«Великий русский поэт Михаил Лермонтов об этом Вадиме Храбром даже поэму писать начал. Так и назвал ее «Вадим». Но не закончил, видимо, понял, что не разберется в том, что на самом деле произошло» (М. Задорнов).

Ошибаетесь, Михаил Николаевич, ваш тёзка Михаил Ломоносов как раз во всём разобрался. Знал, что присосавшиеся, как пиявки к этой теме немцы не дадут возможности рассказать правду, поэтому и силы употребил на иное. И кто вам сказал, что: «У старшей дочери сын был видный, не по годам развитый, богатырского телосложения. Звали его Вадим. Вот только отец, муж дочери, принял христианство и сына крестил. Не нравилось это Гостомыслу». Это вы откуда информацию добыли? Прозорова читались? Вадим – князь славянский, а язычник он или христианин, совсем неважно, не в этом дело. Хватит все конфликты

в борьбе за власть переносить на религиозную почву с противопоставлением: язычник – хороший, христианин – плохой.

Что вы нам говорите? «Фильм о Рюрике надо снимать максимально правдиво». Так снимайте правдиво. Покажите его во всей красе. Не сочиняйте байки. Уж кто-кто, а вы это можете, так не пользуйтесь этим умением, где не надо.

А у вас что? «Он бы всех несогласных заставил объединиться. Пришел бы с дружиной, приказал всем дружить, и все бы дружили. Торговых бы поприжал за год-два, собственное войско организовал, своих бойцов-варягов учителями сделал. Оружие, говорят, у него лучше скандинавского, хотя и в подражание выковано. Тогда бы нурманы на нашу землю точно соваться перестали. Да и хазары еще бы сто раз подумали, прежде чем пытаться, как полян, данью обложить».

Это кто так у нас рассуждает – Гостомысл, сценарист или вы сами? Если Гостомысл, то, значит, он глубоко ошибся, не представляя себе дальнейших последствий своего решения. И особенно о хазарах. С ними Рюрик и не думал вступать в конфликт. Никогда и ни за что. Если это мысли ваши, то, значит, вы сами до сих пор не разобрались в ситуации, произошедшей в Новгороде. О каком объединении славян вообще идёт речь? Это что же, по вашему мнению, получается, что Рюрик хотел Киев и процветающую доселе Полянскую землю объединить с Новгородом? А затем подмять всё под себя? И кому от этого польза? Ответ до воя прост. Одному Рюрику. «Объедини» он под себя Киев – и там бы начались гонения, резня и делёж территорий. Это нам ещё повезло, что Рюрик не горел желанием связываться с закалённой в многочисленных боях славянской ратью князя Осколда.

Под 873 годом Никоновская летопись отмечает смерть Синеуса и Трувора – оба скончались одномоментно и дружно, видимо, не вынеся нагрузки по устройству земли русской. И это как раз после того, как их братец, залив кровью Северную Русь, утвердил там свою власть. Таких совпадений не бывает. Конечно, могла и хворь какая приключиться, передающаяся воздушно-капельным путём, а ослабленные нагрузкой последних лет организмы братьев оказались к ней не готовы. Хорошо самого Рюрика-Сокола, рядом не было, а то остался бы наш народ без государственности. Так бы и бегали как индейцы в прериях, пока еще какого-либо варяга, болтавшегося в праздном безделье где-то поблизости, сюда не занесло.

Могут быть и другие варианты. Например: оба родственника Рюрика пали в борьбе с местным населением, неся им образование, прогресс и государственность, так и не оценённые, а поэтому насаждаемые насильно. Либо, когда победа была уже в кармане и пришло время делить добытое, их просто убрали по приказу старшего родственника. Скажете, такого быть не может? Наговариваете вы на них. Да только и не такое бывало, стоит только внимательно почитать скандинавские саги.

Косвенно это подтверждается той информацией, которую Ибн Русте сообщает о русах: «Все они постоянно носят мечи, так как мало доверяют друг другу, и коварство между ними дело обыкновенное. Если кому-то из них удаётся приобрести хоть немного имущества, то родной брат, или товарищ его, тотчас начнёт ему завидовать и попытается убить его или ограбить».

Зачем делиться с другими, если ты уже победил? Зачем делить захваченные земли, когда можно раздать их своим, преданным тебе лично людям, не уменьшая своей добычи и привязывая этим их к себе. Это куда как выгоднее. Рюрик так и поступил, он стал раздавать славянские земли, жалую их своим людям – «и раздаде грады племенем своим и мужем: овому Полтеск, иному Ростов, иному же Белоозеро». Как видим, варяг не государство создаёт, а просто укрепляет свои позиции, свою власть.

В Киеве, как оказалось, тоже не древляне под дубом сидели. Угрозу, которая исходила с севера от варягов, почуяли сразу. Князь Осколд, как правитель государства, к тому же мужественный, воинственный и задиристый, был обязан на неё отреагировать, что он и сделал.

Под тем же 873 годом Никоновская летопись сообщает: «Того же лета воеваша Асколд и Дир Полочан и много зла створиша». Как мы помним, Полоцк принадлежал Рюрику и служил идеальным плацдармом для атаки на Киев. На который варяг, видимо, уже точил зуб. Через столетие, именно с взятия Полоцка начнёт свою кампанию против Киевского князя Ярополка Новгородский князь Владимир Святославич.

Понимал стратегическое значение этого города и князь Осколд. А потому и ударил по нему крепко, изгнав прочь людей Рюрика. Киевскому правителю оставалось сделать всего один шаг, чтобы уничтожить алчного и завистливого находника или выбросить его пинком из пределов Северной Руси. Безжалостные дружины Осколда, наводящие суеверный ужас на византийцев, раздавили бы пришлых варягов как гнилой орех, однако, к сожалению, до этого не дошло.

А всё потому, что войну с Византийской Империей Осколд предпочёл походу на северного выскочку, посчитав, что и так проучил его вполне достаточно. Что ему был какой-то варяг, вот Византия – совсем иное дело, там и славы больше, и добычи. А Рюрик никуда не денется, дойдут и до него руки.

Как показали дальнейшие события, это было смертельной ошибкой.

Что же касается Рюрика, то он затаился в своей берлоге и, не помышляя уже о походе на юг, занялся тем, что у него получалось лучше всего – угнетением местного населения. О чём и сохранилась запись в Никоновской летописи.

Год 875. «Того же лета избежаша от Рюрика из Новагорода в Киев много Новгородских мужей». Знали мужи новгородские, куда бежать, знали, где искать управу на супостата с Запада. Только вот Осколду вновь стало не до Рюрика, поскольку поход Киевского князя на Константинополь закончился катастрофой, к немалой удаче варяга. Теперь Новгородский князь мог вздохнуть полной грудью. Посягать на его владения было больше некому.

«Тут надо признать, что Рюрик-Рарог и впрямь порядок в богатой «стране Гардариков» навел. Не зря все эти полуразбойничьи годы обучался править людьми военными. Даже враждовавшие между собой роды поняли, что раз выдан приказ дружить, то лучше дружить. И стали дружить! Кроме, конечно, Вадима и его ватаги» (М. Задорнов). Такую вот счастливую картину рисует нам популярный сатирик. Сплошное умиление.

После этого сведения о варяге исчезают, и о нём вспоминают лишь в связи с кончиной – «В лето 6387. Умре Рюрик, княжив лет 17».

Вот и все деяния основателя русской государственности. Негусто.

А где же: «О нашествии хазар разведка Олеговская предупредила. Все словенские соседи решили отпор дать, даже кривичи на помощь пришли. Лютым было сражение! Никогда более хазары на северные словенские земли не зарились! Сам Рарог тяжелые раны в этом сражении получил». Это опять из сценария, такая красивая задумка? Или Прозоров подсказал? Где вы вообще такую информацию нарыли? Поделитесь.

Не было никакой битвы, никаких тяжёлых ран, и вообще ничего не было. Одни лишь мечты-идеи. Да и хазарам, собственно, эти самые северные земли совершенно не были нужны. Не на что там им особо зариться. Хотя для кино вполне сгодится, а вот с кривдой бороться так не получится.

Поэтому подвести итог жизни новгородского князя можно лучше всего историей, рассказанной самим Задорновым. «Мы с моими помощниками на одном из интернетовских форумов провели опрос молодежи не под моим именем: «Кем, по-вашему, был Рюрик по национальности?» Ответов было много, но один поразил, видимо, он был из Новгорода.

«– А, Рюрик... Ну это тот, кто у нас в городе крышует бензоколонки. Но его недавно посадили вместе с Кренделем.

Нормально, да? Рюрик, оказывается, друган Кренделя» (М. Задорнов).

Смех смехом, а этот «ответчик» при всей своей дикой неграмотности лучше всех других уловил суть вопроса. И характер «нашего героя». Рюрик именно «крышевал», только масштаб был побольше. Да и свой Крендель у него имелся – Олегом звали. Правда, посадить их было некому.

Академик Б.А. Рыбаков дал очень чёткий анализ того, как княжение Рюрика отражено в «Повести временных лет» и «Никоновской летописи»: «Приведенные отрывочные записи, не составляющие в Никоновской летописи компактного целого, но разбавленные самыми различными выписками из Хронографа 1512 года и других источников, представляют в своей совокупности несомненный интерес. Те события, которые в «Повести временных лет» очень искусственно сгруппированы под одним 862 годом, здесь даны с разбивкой по годам, заполняя тот пустой интервал, который существует в «Повести» между 866 и 879 годами.

Абсолютная датировка сопоставимых событий в этих двух источниках не совпадает (и вообще не может считаться окончательной), но относительная датировка соблюдается...

Главное отличие «Повести временных лет» (2-я и 3-я редакции) от никоновских записей заключается в различии точек зрения на события. Сильвестр и Ладожанин (редакторы «Повести» при Мстиславе) излагали дело с точки зрения варягов: варяги брали дань, их изгнали; начались усобицы – их позвали; варяги разместились в русских городах, а затем завоевали Киев. Автор записей, попавших в Никоновскую летопись, смотрит на события с точки зрения Киева и Киевской Руси как уже существующего государства...

Всё верно, всё сходится. А теперь отправимся из Северной Руси в Киев и внимательно присмотримся к действительно эпохальной фигуре человека, чьи деяния принижали ради возвеличивания его варяжского оппонента – славянского князя Осколда.

В летописных известиях имя князя Осколда везде упоминается вместе с именем князя Дира, якобы его брата и соправителя. На эту несуразность обратил внимание ещё В.Н. Татищев: «Оскольд и Дир хотя два человека, однако ж Иоаким одного именовал, и по всем обстоятельствам видно, что один был». С другой стороны, когда историк описывает гибель князей, то Вещий Олег почему-то обращается не к обоим, а только к одному из них – «Ты не князь, ни роду княжеского».

Такого же мнения, что и Татищев, придерживался и Б.А. Рыбаков: «Личность князя Дира нам неясна. Чувствуется, что его имя искусственно присоединено к Осколду, так как при описании их якобы совместных действий грамматическая форма дает нам единственное, а не двойственное или множественное число, как следовало бы при описании совместных действий двух лиц».

Косвенно это подтверждается арабским историком и путешественником середины X века аль-Масуди, который пишет: «Первый из славянских царей есть царь Дира, он имеет обширные города и многие обитаемые страны, мусульманские купцы прибывают в его землю с различного рода товарами». Учёный араб упоминает князя Дира, а вот Осколда совершенно не знает! А потому можно сделать следующее предположение – Дир был предшественником Осколда.

Что же касается их совместной деятельности, то это тоже не более чем миф. По поводу того, почему так произошло, имеется интересное замечание Татищева: «Это есть погрешение в летописи; кем-то внесено два мужа, но на самом деле был один Оскольд».

Итак, вроде бы всё понятно – князя Осколд и Дир правили в разное время. Но как быть тогда с утверждением, что они были у Рюрика «не родственники его, но бояре»?

Просто пропустить мимо ушей, поскольку это есть плод трудов князя Мстислава и его подчинённых, к тому же в природе существует и другая информация, вот ею мы и воспользуемся.

Что примечательно, мы находим её в зарубежных источниках, которые были явно независимы в своих суждениях и не испытывали никакого пиетета перед мифическим основа-

телем династии Рюриковичей. Иностранным хронистам было глубоко наплевать на научно-теоретические изыскания князя Мстислава, а потому они и называли вещи своими именами.

Вот что сообщает Ян Длугош, автор написанной в XV веке «Истории Польши»: «После смерти Кия, Щека и Хорива их дети и потомки по прямой линии господствовали над рутенами в течение многих лет. Наконец наследство перешло к двум родным братьям – Аскольду и Диру, оставшимся управлять в Киеве, тогда как много других из народа рутенов, которые из-за большого роста населения искали себе новых мест для жительства, будучи недовольными их главенством, пригласили трех князей из варяг, так как не могли прийти к соглашению относительно избрания кого-либо из своей среды. Первый из этих по имени Рурек сел в Новгороде, второй – Синев – в Белом Озере, третий – Трувор – в Зборске». Поляк чётко проводит разграничение между Русью Южной и Северной, между Рюриком и киевскими князьями, которые являются представителями древней династии. Какие уж тут бояре...

Матей Стрыйковский, польский историк и дипломат XVI века, также указывает на то, что в Киеве издавна правила местная династия: «Когда в Руси, лежащей на юге, Аскольд и Дир, потомки Кия, в Киевском княжестве господствовали, народы русские широко размножились на северных и восточных землях».

Как видим, речь идёт конкретно о государстве со своей местной династией, которое замечательно существовало и без помощи нищих, но ужасно умных пришельцев с Запада.

Даже отредактированная по приказу Мстислава «Повесть временных лет» неожиданно проговаривается о существовании на Южной Руси собственной династии. Это происходит, когда летописец начинает рассуждать о том, кем был основатель столицы Кий – князем или простым перевозчиком. «Если бы был Кий перевозчиком, **то не ходил бы к Царьграду; а этот Кий княжил в роде своем**, и когда ходил он к царю, то, говорят, что великих почестей удостоился от царя, к которому он приходил. Когда же возвращался, пришел он к Дунаю, и облюбовал место, и срубил городок невеликий, и хотел сесть в нем со своим родом, да не дали ему живущие окрест; так и доньше называют придунайские жители городище то – Киевец. Кий же, вернувшись в свой город Киев, тут и умер; и братья его Щек и Хорив и сестра их Лыбедь тут же скончались.

И после этих братьев стал род их держать княжение у полян».

Вот ведь как оно получается – и в Константинополь ходили, и почестей от базилевса удостоились, и династию основали – и на кой ляд тогда нужны прибудные варяги? И без них всё идёт как и положено!

Недаром в «Киевском Синописе», составленном во второй половине XVII века архимандритом Киево-Печерской лавры Иннокентием Гизелем, содержится информация, которая прямо подтверждает данный пассаж из «Повести временных лет». Причём под «Князьями Русскими» автор подразумевает Кия, а также его братьев Щека и Хорива, которые и являлись основателями династии. «Яко по смерти тех трех братий Князей Русских, сыны и наследники их по них долгий век всяк на своем уделу господствоваша; даже потом на их места Осколд и Дир Князие от их же народа наступиша». Автор ясно указывает на то, что вплоть до варяжского вторжения в Киеве правит династия местных князей, причём в дальнейшем он открыто полемизирует с варяжской версией событий. «Беста у Рурика князя Великоновгородскаго некая два нарочита мужа (**о них же не бе нам известно, аще идоша от колена основателя и перваго Князя Киевскаго Кия**) Осколд и Дир; и упросистася у него ити (**яко свидетельствует Летописец Российский Преподобный Нестор Печерский**) ко Цариграду с роды своими».

Гизель заявляет открытым текстом – никакие Аскольд и Дир не «бояре», нам доподлинно известно, что это природные киевские князья, не чета пришельцам с Севера.

Всё! Какие ещё нужны доказательства всей нелепости теории создания Рюриком Русской государственности?

При князе Осколде Русь медленно, но верно поднимается к пику своего могущества. Красноречивым подтверждением этого служат два похода на Византию, а также факт того, что киевские князья приняли титул Кагана, уравнив себя с владыками Хазарии, которая была на тот момент мощным и уважаемым государством. Сам византийский базилевс Василий I, признавая за славянским князем это право, называет Осколда **«прегордым каганом северных скифов»!** Наличие подобного титула зафиксировано и в «Бертинских анналах» – летописном своде Сен-Бертенского монастыря, который охватывал историю государства франков с 830 до 882 года. В нём указано, что в 838 году к базилевсу Феофилу II явились послы, «которые утверждали, что их, то есть их народ, зовут Рос; по их словам, они были направлены к нему царем их, называемым **хаканом**, ради дружбы».

Рассуждения о том, что какой-то залётный Рюрик основал Русское государство, разлетаются в пух!

А что говорят русские летописи о Киевском князе? Неужели его жизнь освещена так же скупо и тускло, как северного соседа? Давайте посмотрим.

Софийский временник сообщает интереснейшую информацию о том, как князь Осколд готовился к войне с соседями в начале своего правления: «И многи Варяги совкуписша...» Как видим, Киевский князь не гнушается нанимать этих заморских выходцев, поскольку явно имеет представление об их высоких боевых качествах. А дальше говорится и о самой войне: «И бешаратни с Древляны и с Угличи».

Эти сведения подтверждает и «Новый летописец» («Новый летописец, составленный в царствование Михаила Фёдоровича»). Но что примечательно, что и Вещий Олег и Игорь, князья, которые будут править в Киеве после Осколда, продолжают его политику по отношению к этим славянским землям.

Теперь о том, что нам известно о деяниях этого князя по сообщениям Никоновской летописи: 866 год – первый поход на Константинополь, согласно «Повести временных лет». Цифра спорная, к ней мы ещё вернёмся. «Иногда приидоша из Киева Русские князи Осколд и Дир на Царьград, **в царство Михаила царя и матери его Феодоры**, иже проповедаша поклонение святых икон, в первую неделю поста, и много убийств сотвориша».

872 год – война с болгарами. «Убиен бысть от болгар Осколдов сын».

873 год – поход против Рюрика и занятие Полоцка. «Того же лета воеваша Асколд и Дир Полочан и много зла сътвориша».

874 год – второй поход на Византию. «Иде Асколд и Дир на Греки. **Царём же Михаилу и Василию** отошедшим на агаряны воевати».

875 год – поход в степь против печенегов и разгром степняков. «Того же лета избиша множество печенег Осколд и Дир».

Подробный анализ этих известий сделал Б.А. Рыбаков: «Дополнительно сведения за 867–875 годы можно было бы счесть за вымысел московских историков XVI века, но против этого предостерегает отрывочный характер записей, наличие мелких несущественных деталей (например, смерть сына князя Осколда) и полное отсутствие какой бы то ни было идеи, могущей, с точки зрения составителей, придать смысл этим записям. Более того, записи о Рюрике противоречили своим антиваряжским тоном как соседним статьям, почерпнутым из «Повести временных лет» (1118 год), так и общей династической тенденции XVI века, считавшей Рюрика прямым предком московского царя. Что же касается допущения о вымысле этих записей, то и в этом отношении они резко выпадают из стиля эпохи Грозного. В XVI веке придумывали много, но придумывали целые композиции, украшенные «сплетением словес». С точки зрения литераторов XVI века, отдельные разрозненные фактологические справки не представляли ценности.

Хронология в этих дополнительных записях очень сложна, запутанна и отличается от хронологии «Повести временных лет». Она расшифровывается только после анализа византийского летосчисления IX–X веков и сопоставления с точно известными нам событиями.

Представляет большой интерес то, что записи Никоновской летописи восполняют пробелы в «Повести временных лет», где между событиями первых датированных годов существуют значительные интервалы».

Как ни смотри, а получается, что жизнь Осколда была очень насыщенной!

Теперь есть смысл поговорить о столь значимых событиях, как походы дружин Осколда на Византию – подобное мероприятие под силу только мощному и достаточно стабильному государству. Мы не случайно выделили те фразы, где речь идёт о тех, кто в этот момент занимал трон Империи, – из них видно, что речь идёт **о двух разных походах**, а не об одном, как это иногда пытаются представить. Здесь есть чёткая привязка к имени соправителя Михаила III – Василия, будущего Василия I. В 860 году речь идёт конкретно об императоре Михаиле и его матери, а о соправителе и речи нет.

В 874 году, ко времени второго похода Осколда на Византию, Михаила III уже не будет в живых, поскольку его убьёт соправитель, который и станет базилевсом Василием I.

Итак – два похода, один закончился поражением, а другой победоносный. В каких же годах произошли эти события? Привлечём как отечественные, так и иностранные источники.

В Никоновской летописи оба похода заканчиваются одинаково – по молитвам патриарха налетает буря и «топит безбожную Русь». Ту же самую информацию читаем и в «Повести временных лет»: «Царь же с трудом вошел в город и всю ночь молился с патриархом Фотием в церкви святой Богородицы во Влахерне, и вынесли они с песнями божественную ризу святой Богородицы, и смочили в море ее полу. Была в это время тишина, и море было спокойно, но тут внезапно поднялась буря с ветром, и снова встали огромные волны, разметало корабли безбожных русских, и прибило их к берегу, и переломало, так что немногим из них удалось избежать этой беды и вернуться домой». Всё ясно и всё объяснимо – случился природный катаклизм, и мероприятие закончилось неудачей. Спорить не будем, просто пока согласимся с этим фактом.

А теперь главное. В Брюссельской хронике, куда входила и стихотворная хроника Константина Манасси, есть такая запись: «Михаил, сын Феофила, правил со своей матерью Феодорой четыре года и один – десять лет, и с Василием – один год четыре месяца. В его царствование 18 июня в 8-й индикт, в лето 6368, на 5-й год его правления пришли Росы на двухстах кораблях, которые предстательством всеславнейшей Богородицы были повержены христианами, полностью побеждены и уничтожены». Чёрным по белому написано – 18 июня 860 года.

Таким образом, точная дата у нас есть. Мало того, можно высказать предположение о том, что и в «Повести временных лет», и в хронике Константина Манасси авторы просто смешали в один поход походы 860 и 974 годов. Сейчас вы это сами увидите, когда будем разбирать сведения остальных источников.

Вот что сообщает в Венецианской хронике, составленной в начале XI века, Иоанн Диакон, правда, русов он здесь называет норманнами: «В то же время племя норманнов с тремястами шестьюдесятью кораблями осмелились напасть на Константинополь. Однако поскольку они никаким образом не смогли захватить неприступный город, они разграбили предместья, где без жалости убили множество людей, **после чего выше названное племя с победой вернулось в свои земли**».

Никита Пафлогонянин рассказывает об этих событиях в «Житии патриарха Игнатия»: «В это время запятнанный убийством более, чем кто-либо из скифов, народ, называемый Рос, по Эвксинскому понту придя к Стенону и разорив все селения, все монастыри, теперь

уж совершал набеги на находящиеся вблизи Византия (Константинополя) острова, грабя все драгоценные сосуды и сокровища, а захватив людей, всех их убивал. Кроме того, в варварском порыве учинив набеги на патриаршие монастыри, они в гневе захватывали все, что ни находили, и схватив там двадцать два благороднейших жителя, на одной корме корабля всех перерубили секирами».

А вот что рассказывает об этом непосредственный участник событий – сам патриарх Фотий. В своих гомилиях – проповедях он отметил тот погром, который русы устроили в окрестностях Константинополя: «Ведь они разграбили его окрестности, разорили предместья, свирепо перебили схваченных и безнаказанно окружили весь город – настолько превознесенные и возвеличенные нашей беспомощностью... О, как нахлынуло тогда все это, и город оказался – еще немного, и я мог бы сказать – завоеван! Ибо тогда легко было стать пленником, но нелегко защитить жителей; было ясно, что во власти противника – претерпеть или не претерпеть это нам; тогда спасение города висело на кончиках пальцев врагов, и их благоволением измерялось его состояние».

А вывод патриарх делает потрясающий: **«Неожиданным оказалось нашествие врагов – нечаянным явилось и отступление их»**. Как видим, Фотий пишет открытым текстом – враг ушёл без всякой причины, мы этого сами не ожидали, и на помощь к нам в данный момент никто не спешил.

А как же чудо? Без него никуда! Оно тоже связано с ризами Богородицы, только вот никакой бури после этого не произошло. Враг просто ушёл, что и засвидетельствовал патриарх: «Ибо как только облачение Девы обошло стены, варвары, отказавшись от осады, снялись с лагеря, и мы были искуплены от предстоящего плена и удостоились нежданного спасения».

В итоге всё становится на свои места.

В 860 году дружины Осколда идут походом на Константинополь, на врага князь ведёт около двух сотен ладей. Императора Михаила III в столице нет, он с войском выступил против арабов и находится в Малой Азии. Грозный флот Империи также отсутствует в столице, поскольку в Средиземном море ведёт борьбу не на жизнь, а на смерть против многочисленных эскадр мусульманских эмиров – вампиров. Само нашествие русов явилось неприятным сюрпризом для имперского правительства, и как следствие Царьград едва не был захвачен дружинами Осколда, что и засвидетельствовал патриарх Фотий, очевидец событий. Осколд проявил себя грамотным стратегом, выбрав для нападения очень удачный момент. Причём его опыт в дальнейшем возьмут на вооружение те же Олег и Игорь, когда уже они поведут свои флоты на Империю.

Взяв город в осаду, русы предали огню и мечу не только окрестности столицы, но более отдалённые регионы, благо никто им в этом не мог помешать. В Константинополе царил страшная паника, гонцы мчались к императору за помощью, но тот находился в 500 километрах от места событий и ничем не мог помочь осаждённому городу.

Отчаявшиеся горожане вместе с патриархом прибегли к заступничеству Сил Небесных, но русы свирепствовали до тех пор, пока их ладьи не заполнились добром по самые борта. После этого воины Осколда погрузились на суда и отплыли на Русь. Возможно, что дошли слухи о том, что приближаются имперские войска, а возможно, что просто пресытились грабежом.

Именно об этих событиях и говорится в гомулиях патриарха Фотия, причём ни о какой буре и ни о каком чудесном спасении Константинополя он не упоминает, так же как и о прибытии базилевса в столицу. И вывод следует такой – первый поход Осколда на Царьград завершился полным успехом – дружина с добычей, князь со славой.

А как же второй поход, который состоялся в 874 году?

Здесь тень на плетень наводит сообщение Продолжателя Феофана. «Потом набег росов (это скифское племя, необузданное и жестокое), которые опустошили ромейские земли, сам Понт Евксинский предали огню и оцепили город (Михаил в то время воевал с исмаилитами). Впрочем, насытившись гневом Божиим, они вернулись домой – правивший тогда церковью Фотий молил Бога об этом, – а вскоре прибыло от них посольство в царственный город, прося приобщить их божьему крещению. Что и произошло».

Но всё дело в том, что первое или Аскольдово крещение Руси тот же Продолжатель Феофана связывает именно с именем императора Василия I. Вот что рассказывает византийский историк о том, как базилевсу удалось склонить русов к принятию Крещения: «Щедрыми раздачами золота, серебра и шелковых одеяний он также склонил к соглашению неодолимый и безбожный народ росов, заключил с ними мирные договоры, убедил приобщиться к спасительному крещению и уговорил принять рукоположенного патриархом Игнатием архиепископа, который, явившись в их страну, стал любезен народу таким деянием. Однажды князь этого племени собрал сходку из подданных и воссел впереди со своими старейшинами, кои более других по многолетней привычке были преданы суеверию, и стал рассуждать с ними о христианской и исконной вере». А далее следует рассказ о том, как уступив настояниям язычников, архиепископ бросил в огонь Евангелие, а когда костёр догорел, то книга оказалась невредимой.

Но чудеса чудесами, а для нас важен другой момент – то, что по времени эти события совпадают с теми, которые указаны в Никоновской летописи под 874 годом – неудачным походом русов на Константинополь.

«Иде Асколд и Дир на Греки. **Царём же Михаилу и Василию** отошедшим на Агаряны воевати, и дошедшим им Черныя реки, посла к ним епарх, глаголя, яко Русь идёт на Царьград в двоюсту и множас кораблей. Они же взвратишася, и едва внидоша в гради с патриархом Фотием приходяще к святой Богородицы Влахерну, и изнесше приечистые Богородицы с плачеи и с слезами многими и край ея в море омочивше. Бе бо тогда море тихо велми, и егда омочиша ризу, и абие вста буря зелиа, и разби множество кораблей, и потопа безбожную Русь». Как видим, здесь всё в кучу – и базилевс Михаил, и базилевс Василий, и патриарх Фотий, и Ризы Богородицы, и, конечно же, буря.

И всю эту мешанину можно было не воспринимать всерьёз, если бы не следующее известие Никоновской летописи, помещённое под 875 годом: «**Взвратишася Осколд и Дир от Царяграда в мале дружине**, и бысть в Киеве плачь велий». Здесь речь идёт только об одном – русы потерпели поражение. Других толкований быть не может. И если в предыдущем сообщении автор просто запутался в правителях и патриархах, то здесь всё чётко и ясно.

Но недаром Б.А. Рыбаков отмечал, что сведения Никоновской летописи носят «отрывочный характер». В летописи патриарха есть целый абзац под названием «О князи Русьтем Осколде», где рассказывается, как после похода на Царьград в 874 году князь русов замирился с Империей: «Роди же нарицаемии Руси, иже и Кумани, живяху в Ексинопонте, и начаша пленовати страну Римляньскую, и хотяху поити и в Консянтинград; но взбрани им вышний промысл, паче же и приключися им гнев Божий, и тогда возвратишася тции князи их Асколд и Дир. Василий же много воинства на Агаряны и Манихеи. Сотвори же и мирное устройство с прежречёнными Русы и переложих сих на христианство и обещавшеся крестится, и просиша архирея и посла к ним царь». Почему 874 год? А потому что императором назван конкретно Василий I, который правил в гордом одиночестве с 24 сентября 867 по 29 августа 886 года. И Фотий при нём был вторично патриархом в 877–886 годах.

Факт первого Крещения Руси при этих двух деятелях чётко зафиксирован в Густынской летописи: «Наша Русь, при патриарсе Фотии... егда Василий цар сотвори мир со Руским

народом, **хотяше их привести ко истенней вере, еже они обещахася; посла же им цар митрополиту Михаила и иных епископов».**

Получается, что второе нашествие русов произошло при базилевсе Василии I и патриархе Игнатии, и именно тогда Осколд и согласился принять христианство. Возможно, что после бури, которая разметала его флот, князь отправил послов к императору, чтобы договориться по поводу беспрепятственного возвращения на Русь. Вполне вероятно, что и сам побывал в Царьграде. Крестился он в столице Империи или уже на Руси, когда туда были священнослужители, неизвестно, но факт остаётся фактом – Осколд крещение принял. Опять-таки косвенно на это указывает Татищев, когда называет князя «Блаженный же Оскольд» – и явно не просто так!

С другой стороны, подобное мероприятие, как крещение целого народа, явно не решалось одним днём, оно требовало серьёзной подготовки, а потому нет ничего удивительного в том, что процесс затянулся, и патриархом вместо Игнатия стал Фотий. При котором это самое первое Крещение Руси и состоялось. На что также указал и В.Н. Татищев – **«несомненно, что в Киеве задолго до Владимира и до пришествия Олегова в Киев, церковь в Киеве была и христиан много было».**

Довольно забавно выглядит тот факт, что сообщая о Крещении Руси при Осколде, византийские источники совсем не упоминают о Крещении Руси Владимиром. Вообще!

Судя по всему, они просто не придали этому событию значения, поскольку пребывали в твёрдой уверенности, что Русь крещена 100 лет назад. Косвенным подтверждением этому служит то, что византийским патриархом, при котором Владимир крестил Русь, в отечественных источниках неожиданно называется... Фотий!

Воистину, про тех, кто приплёл Фотия к Владимирову Крещению, существует поговорка: слышал звон, да не знает где он!

А между тем именно принятие Крещения и погубило Осколда, поскольку в стране начались брожение умов и смута. Смена веры – дело очень опасное, требующее от правителя не только ума, храбрости и силы воли, но и подчас жестокости. Для успеха такого предприятия нужны сторонники, мало того, нужна платформа среди местного населения, которое поддержит такой шаг и на которую можно опереться. Лишь тогда оно завершится успехом. Ничего подобного у Осколда не было. Сторонников было явно недостаточно, а противников гораздо больше, поскольку среди населения процент христиан был крайне мал. Князю оставалось только лить кровь своих подданных, склоняя их к вере иной. Видимо, такие мысли посещали Осколда. И он по своему обыкновению готовился приступить к решительным мерам, ибо уже понял, что другие в этом случае не пройдут. Князь был настолько уверен в себе и своём проекте, что даже не думал о том, что кто-то, особенно из его ближайшего окружения, осмелится выступить против него, сможет ему помешать. А ведь большинство его приближённых не горели желанием сменить веру, как, собственно, и волхвы, которые благодаря непреклонности князя могли остаться без паствы. Открыто выступать против Осколда ни те ни другие не решались, и поэтому начали действовать тайно. Так в Киеве созрел заговор. Все эти религиозно-политические тонкости Осколд из виду упустил, посчитав делами незначительными и не стоящими внимания. Он переоценил своё влияние и свой авторитет. За что в итоге и поплатился.

Поскольку к этому времени Рюрик отправился в мир иной, то смутой на юге решил воспользоваться очередной варяг – тот, которого назовут Вещим.

Причины, по которым Олег решился на войну с Южной Русью, лежат на поверхности, и их недвусмысленно указал В.Н. Татищев: «Олег был муж мудрый и воин храбрый, слыша от киевлян жалобы на Оскольда **и позавидовав области его**». Жалобы киевлян были варягу по барабану, для него главным было то, что положение Осколда резко пошатнулось и стало неустойчивым. У того же Татищева читаем ещё: «Не без причины зависть Олегу подалась на

Оскольда идти и его убить, чему, может, свойство оное наиболее поспешствовало, только писцы краткостию от нас закрыли».

Зависть – это сильный побудительный мотив, особенно для руса. А Киев был на тот момент владением куда более приоритетным и элитным, чем Северная Русь, где когда-то прозябал Рюрик.

Только вот беда, невзирая на все неурядицы, которые творились в Киеве на религиозной почве, Олег Осколда боялся. И как бы ни старались Певцы Языческой Руси вроде Льва Рудольфовича Прозорова изображать его этаким рыцарем без страха и упрёка, это далеко не так. Факты говорят о другом. Осколд был воитель известный, слава его гремела не только на Руси. Он мог задать трёпку кому угодно, в любое время, врагов своих, как бы сильны они ни были, не боялся. Поэтому и числятся среди побеждённых им противников и Рюрик, и Византия, и печенеги. В открытом противостоянии у Олега не было шансов одолеть Осколда, и он сам это прекрасно понимал, ведь, как вы помните: «Был муж мудрый и воин храбрый». А храбрость – это не только шашкой махать, но и соизмерять разумность своих сил. Олег и соизмерил, трезво оценил, и понял. В лоб не взять.

Однако, как и его северные собратья по крови, он смотрел на вещи шире, чем его собрат по должности Осколд, считая, что, где нельзя силой, можно хитростью. А хитрость, как известно, хитрости рознь. Но Олег и здесь раздвинул границы возможного до пределов, поставив во главу угла результат.

Не рискуя брать приступом Киев и не уповая лишь на крепость своего сбродного воинства, которое при неудаче могло легко рассыпаться, Олег решил обманом выманить Киевского князя за городские стены. Решив, таким образом, все проблемы без боя. Сейчас действия Вещего Олега по своему коварству больше напоминали те махинации и каверзы, которые устраивали друг другу кондотьеры времён Чезаре Борджиа. Или приёмы мафии времён «Крёстного отца». Задумано всё было хитро.

В «Киевском синопсисе» на этот счёт есть конкретная информация: «и вызва лестию к себе на стан из града Осколда и Дира, **аки беседы ради приятельския**».

Чтобы убедить Осколда в искренности своих намерений, Олег вступил в сговор с киевлянами, которые явно были приверженцами Старой Веры и желали избавиться от князя-христианина, это отмечает В.Н. Татищев. Заручиться в такой ситуации поддержкой кого-либо из ближайшего окружения Киевского князя было бы сильным ходом, ведь кому-то иному Осколд мог просто не поверить. Значит, Олегу нужно было найти того, кому Осколд безусловно доверял, и перетянуть этого человека на свою сторону. И это у варяга получилось. Сам того не подозревая, вместо приятельской беседы Осколд шёл на верную смерть.

Факт того, что Киевского князя удалось победить только подлостью, отмечает «Новый летописец» – «лестию уби Оскольда». Скорее всего просто Олег пообещал волхвам, что их вера останется прежней на века, то же самое плюс ещё какие-то дивиденды он мог пообещать своим потенциальным соратникам из числа киевлян, оказавших ему поддержку. Возможно, именно в это время он познакомился или вошёл в сношение с кем-то из клана будущего или, можно сказать, следующего князя – Игоря. Так что база для последующего возвышения юного Игоря и его приближение к фигуре Олега Вещего закладывалась здесь и сейчас, замешивалась на крови христианского мученика Осколда.

«Блаженный же Оскольд **предан киевлянами и убит был**» (В.Н. Татищев).

Обращает внимание то, как историк называет Киевского князя – блаженный, явно намекая на то, что Осколд принял смерть как мученик за Веру. Погиб единственный человек – князь, но государство устояло, гражданско-религиозной войны не началось. В Хазарии в подобной ситуации неразумные действия Кагана привели к гибели всего государства. Здесь ценой предательства было куплено спокойствие. Князь, так много сделавший для становления государства, погиб.

В итоге власть в Киеве захватил узурпатор, приبلудный пришелец с севера, а страна вернулась к язычеству. Однако и христианство с этого момента пустило корни на Руси, а вот выдирать их никто не собирался, ибо теперь угроза христианизации всего государства ушла, и оно вновь стало личным делом каждого.

Но вернёмся к надежде нашей, «основателю Русской государственности» Рюрику, лучу света в тёмном славянском царстве.

Мы видим, что по сравнению с мощной и яркой фигурой князя Осколда его варяжский оппонент Рюрик выглядит невыразительной бледной тенью. За плечами Киевского князя – два похода на Византию, войны с болгарами, победоносный поход на печенегов, разгром самого Рюрика и Первое Крещение Руси. И это лишь то, о чём мы можем утверждать наверняка. Зато можно представить, сколько информации о нём вымарали из летописей в угоду варяжской теории!

А теперь посмотрим на Рюрика. Даже напрягши всю свою фантазию, редакторы-фальсификаторы не смогли придумать ничего достойного той роли, которую приписывают варягу. За исключением мифического основания династии и создания Русской государственности. А так – жизнь заурядного третьесортного князька, чудом закрепившегося на троне в новой короне, который грабил и притеснял народ, укрепляя личную власть. Раздававшего славянские земли своим прихвостням и родственникам. Безжалостно расправлявшегося с теми, кто проявлял непокорность и выступал против творившейся несправедливости, беззакония и засилья чужаков. Ну и как венец правления и всей творческой деятельности – поражение от дружин Осколда.

Как говорится, почувствуйте разницу.

«Да-да! Я буду это еще много раз повторять: мы живем в Кривде! Наша история не утеряна – она сознательно обрезана и украдена. Кто не чтит прошлого, тот плюет в будущее! А потому надо бы помочь будущему, восстановив прошлое» (*М. Задорнов*). Прекрасная формулировка, призыв, лозунг, да как ни назовите. Так давайте и следовать именно ему.

Почему мы до сих пор с таким упорством цепляемся за этот высосанный из пальца миф? Почему как дело касается русских, так обязательно кто-то должен прийти с Запада (пусть хоть и тот же славянин), чтобы научить нас чему-то полезному? Сказка про «мудрого Рюрика» вредна уже тем, что отрицает наличие государства у наших предков, которое, как мы видели, существовало уже достаточно давно, и без всяческой помощи выходцев из ближнего зарубежья.

Почему в большинстве изданий преподносят и превозносят Рюрика как создателя Русской государственности, а о князе Осколде и его Киевской державе – молчок? Недаром О. Виноградов, говоря о первом походе Осколда на Империю, прямо сказал: «Историки не хотят видеть, что Киевская Русь представляла собой мощное государство, не побоявшееся отстоять свои права у могущественнейшей Византии».

А потому и Михаил Николаевич Задорнов крепко заблуждается, когда говорит о том, что «Нестор был киевлянином и не стал описывать кипучую торгово-культурно-творческую жизнь страны Гардариков до прихода варягов. Ведь Киев и Новгород уже в то время соперничали и завидовали богатству друг друга. Допускаю, что Нестор сделал такое «упущение» от души». Здесь дело вовсе не в «душе» летописца, а в том, как основательно над его трудом поработали позднейшие редакторы, тщательно вымарывая оттуда всё то, что касалось истории Руси до появления на горизонте Рюрика.

А что касается соперничества Киева и Новгорода, а также взаимной зависти...

О какой зависти киевлян может идти речь, если даже Новгорода как такового в те времена не существовало, о чём недвусмысленно свидетельствует археология. Обратимся к мнению человека, который является признанным авторитетом в данном вопросе. Вот что говорит по этому поводу академик В.Л. Янин, человек, досконально изучивший этот леген-

дарный город. «Мифическим представляется утверждение об основании Рюриком «города над Волховом» и наречении его Новгородом. Коль скоро на территории собственно Новгорода нет никаких напластований IX в., очевидно, что речь идет о сооружении укреплений в резиденции на Городище, которая также является «городом над Волховом». Столь же легендарным представляется утверждение Новгородской IV летописи об основании Новгорода старейшиной Гостомыслом еще до призвания Рюрика».

Вот и всё! Все потуги князя Мстислава пошли прахом! Не было Новгорода во время пребывания варяга на Севере Руси. В природе не существовало.

Чем ещё удивит нас М. Задорнов? Рассуждая о Вещем Олеге и его деяниях, Михаил Николаевич сообщает: «В Киев, Великий Град, к полянам столицу перенес. Не все поляне такому пришлому князю радовались».

Цитируя персонажа С. Фарады из фильма «Чародеи», скажем: «Каждый заблуждается в меру своих возможностей». Вот здесь Задорнов заблудился совсем. Преподнеся нам эту замечательную фразу о всеобщей радости, он совершенно выпустил из виду сам факт того, что Олег буквально только что довольно подло убил князя киевлян. Который, как ни поверни, а авторитетом у населения пользовался. Даже сейчас многие из жителей столицы, вероятно, пошли бы за своим законным правителем.

Так чему тут радоваться?

Тому, что явился из дальних краёв узурпатор, убил прославленного Киевского князя Осколда, представителя местной династии Киевичей? Ладно, хоть христианство принимать не заставил, и то славно. А уж утверждение о том, что «народ очень Олега полюбил!», совсем надуманно. В защиту Вещего нужно сказать, что заняв освободившийся престол, он продолжил линию им же убитого предшественника. Шёл по его стопам. Походы на Византию, война с древлянами, постепенное подчинение под власть Киева соседних славянских племён, плативших дань хазарам... В отличие от Рюрика Олег был человеком смелым и деятельным. И то, что его уважали, сомнений нет. Мятежей против него не учиняли, да и он сам репрессий не устраивал, земли без причины своим любимцам не раздавал. Что же касается любви, то это вопрос более сложный. Есть в этом одна небольшая загвоздка. Дело в том, что на Руси точно не знали, где же похоронен столь любимый народом князь! Пафосную строку о том, что узурпатора похоронили «на горе, называемую Щековица; есть же могила его и доньне, слывет могилой Олеговой», можно смело считать позднейшей вставкой, сделанной в то время, когда стряпалась варяжская легенда. Потому что в Новгородской I летописи младшего извода можно прочесть следующую информацию: «Иде Олегъ к Новугороду, и оттуда в Ладугу. Друзии же сказують, яко идущую ему за море, и уклону змиа в ногу, и с того умре; есть могила его в Ладозе».

Из этого следует, что, несмотря на все свои старания, варяг не смог удержаться в Киеве и был вынужден покинуть его и отступить на север, а там его жизненный путь неожиданно завершился. Возможно, те, кого он возвысил, вступая в заговор против Осколда, набрали силу сами. Игорь вырос, сел на княжеский трон, и Олег оказался его клану уже без необходимости. Всё. На любовь даже намёка нет, а есть совершенное безразличие к судьбе захватчика.

Косвенным подтверждением этого служит тот факт, что могила Осколда в Киеве известна и в наши дни, а вот узурпатор Олег подобной чести не удостоился. Зато в Старой Ладого, в урочище Сопки, вам покажут большой холм высотой около 10 метров, который и считается местом погребения Вещего Олега.

В свете приведённых выше фактов вопрос, который ставит Михаил Николаевич, звучит не совсем правильно: «Ведь все цари до Ивана Грозного назывались Рюриковичами. Что же получается? Свою «фамилию» взяли от несуществующего сказочного персонажа? Настолько были несведущи? Тогда почему от неизвестного? Почему не от Ильи Муромца

или не от Алеши Поповича? Можно представить себе реальный род потомков от Шерлока Холмса, Чингачгука или от Карабаса Барабаса?»

Никто не называет Рюрика сказочным персонажем – вопрос надо ставить несколько по-другому: почему именно его записали в родоначальники династии и основатели Русского государства?

Как мы видим, он просто оказался наиболее подходящей фигурой для политической конъюнктуры времён Владимира Мономаха и благодаря стараниям Мстислава Владимировича превратился в того, кем никогда не был. Поскольку ни государства, ни династии он так и не создал. Это миф, не более. Зато имена истинных создателей русской державы были тщательно вымараны из отечественной истории.

Если хотите бороться с Кривдой, выжигая её калёным железом из нашего прошлого, то оставьте в покое и норманистов, и язычников, и даже самого Рюрика – Рарога – Сокола. Доверьтесь логике и документам.

Присоединяйтесь, Михаил Николаевич. Присоединяйтесь.

Князь Игорь. Жизнь и смерть «Сына Сокола»

Миф второй. «Помянем добрым словом «мужа мудрого и храброго». Первого из полководцев Европы, разбившего степняков в их родных степях. Первого – и единственного – из соседей Восточного Рима, разгадавшего тайну «греческого огня» и вплотную подошедшего к созданию подобного же оружия. Первого из правителей Руси не посылавшего послов в Царь городов, но принимавшего ромейских посланцев в своей столице. Игоря, Сына Сокола»¹.

О князе Игоре стоит поговорить даже исходя из того, что на наш взгляд именно он, а не северный находник Рюрик является родоначальником той самой династии, которая на протяжении многих веков будет править в Русском государстве.

Кому-то это покажется спорно, а может, даже неразумно, но это только на первый взгляд. Хотим обратить ваше внимание на то, что имя Рюрика упоминается лишь в официальных летописных сводах, а вот в самых ранних произведениях древнерусской литературы мы имени варяга не найдём, даже если потратим изрядное время на поиски.

Например, автор «Слова о законе и благодати» Киевский митрополит Илларион, живший во время правления Ярослава Мудрого, начинает династию именно с Игоря.

«Похвалим же и мы, по силе нашей, малыими похвалами великаа и дивнаастворышааго нашего учителя и наставника, великааго кагана нашеа земли Володимера, внука старааго Игоря, сына же славнааго Святослава». Удивительно, но создаётся впечатление, что глава Русской церкви и понятия не имеет о том, что среди предков его князя значится какой-то варяг! Хотя, казалось бы, кому и знать об этом, как не ему!

Дальше – больше. Иаков Мних, также живший в XI веке и написавший «Память и похвалу князю русскому Владимиру», тоже начинает княжескую династию именно с Игоря: «Просвети благодать Божия сердце князю русскому Володимеру, сыну Святославлю, внуку Игореву». В «Сказании о Борисе и Глебе» мы тоже не найдём ни слова об «основателе Русской государственности» князе Рюрике.

Что в итоге? Либо они все ошибаются, либо Рюрик никакого отношения к династии не имел. Скорее второе.

Косвенным подтверждением этому служат тщетные попытки летописцев удлинить до безобразия сроки жизни как Рюрика, так и Игоря, чтобы хоть как-то привязать их друг к другу. Но несмотря на эти старания, искусственность подобного «родства» всё одно бросалась в глаза, а потому в ход пошли самые разнообразные версии. Договорились даже до того, что было целых два Рюрика – отец и сын, который соответственно и приходился Игорю дедом...

Кем же был Игорь и как стал Киевским князем?

Возможно, это случилось так.

Новгородский князь Олег, которого в дальнейшем прозовут Вещий, выступив в поход на Киев, не рискнул вступить в бой с грозной дружиной Киевского князя Осколда, а предпочёл действовать иначе. Хитростью и обманом выманив Осколда из города, он с помощью варягов подло расправился с безоружным князем и захватил Киев.

Проще говоря, Олег стал узурпатором.

Но одно дело захватить власть, совсем другое – удержать. Для этого нужна была серьёзная поддержка представителей местной элиты, которые бы не только обладали серьёзным авторитетом, но и к тому же недолюбливали Осколда. Чтобы им и в голову не пришло отомстить за убитого князя. Человек, удовлетворяющий всем этим требованиям, нашёлся – это

¹ Прозоров Л. Р. «Иду на вы!» Подвиги Святослава».

и был Игорь. Он был молод, честлюбив, хорошо владел оружием, к тому же являлся представителем высшей киевской знати.

Выгоды от подобного союза для пришельца с севера были несомненны, поскольку Игорь виделся Олегу крепким и надёжным союзником. Оставалось лишь привязать его к себе, и привязать крепко. А что может быть крепче семейных уз?

Дело в том, что у узурпатора была дочь, и звали её Ольга. А поэтому осталась самая малость – нужно было их поженить. Судя по всему, Ольга была девушка видная, умная, прекрасно понимающая все те выгоды, которые ей принесёт подобный брак. Да и Игорь оказался не против такого расклада. Политика сыграла свою роль, но для молодого воина, кроме всего прочего, важна была и красота.

Всё удалось как нельзя лучше, и в итоге Вещий Олег породнился с киевской верхушкой, что значительно усиливало его положение. Мало того, – для узурпатора появлялась надежда, что последующие поколения киевских князей будут его потомками.

Историк А. Карпов так прямо и указал, что имя «Ольга» является женской формой мужского имени Олег. И это вовсе не досужие фантазии. Вот что сообщает на эту тему Пискаревский летописец: «Нецыи же глаголют, яко Ольгова дщери бе Ольга». Ту же самую информацию мы встречаем и в Типографской летописи: «Нецыи же глаголють яко Олгова дчибе Олга».

А то, что в летописях прописано, что Ольга родом из Пскова, нисколько не изменяет общей картины – Олег сам заявился с севера, и нет ничего удивительного в том, что до смерти Рюрика он мог быть наместником в Пскове, где и оставил Ольгу во время похода на Киев. Скорее наоборот, это даже нормально. Зачем тащить в авантюрный рейд единственную дочь, к тому же ещё совсем юную. Сорвись предприятие, и её никто не пощадит.

Кстати, в летописях конкретно указано, что Игоря с Ольгой поженит именно Олег, а не кто-то другой. А поэтому, на наш взгляд, гораздо легче связать Ольгу с Олегом, нежели Игоря с Рюриком. И выдумывать ничего не надо. Да и годы жизни удлинить не придётся.

Ведь официальной датой рождения Игоря считается 878 год, хотя В.Н. Татищев, ссылаясь на летописные списки, которые были ему доступны, называет и 875 год, и 865, и даже 861. Однако из этого следует, что на момент рождения сына Игорь был дряхлым старцем – Святослав родился в 942 году, да и Ольга была в этот момент далеко не первой молодости – если следовать официальной хронике, то ей стукнуло 52 года.

Даже в век современных технологий такой подвиг не каждому по силам.

«Все противоречия можно разрешить, если признать, что и Игорь, и Ольга к 40-м годам X века были людьми не старыми, а их свадьба состоялась гораздо позднее 903 года. Но признать это летописцы не могли, так как тогда была бы разрушена связь Игоря с Рюриком, связь, которой и не было на самом деле» (А. Королёв).

О том же говорил и академик Б.А. Рыбаков: «Под пером же редактора 1118 года Игорь стал сыном Рюрика. **Крайне неточна и противоречива хронология событий и времени княжения князей IX – начала X века.**»

Да и то, что правит Игорь ровно 33 года, не больше и не меньше, почему-то настораживает.

Ведь 33 число для русского эпоса знаковое, к тому же именно столько, согласно официальной версии, правил и Вещий Олег. С другой стороны, терзают смутные сомнения по поводу того, что судьба Игоря как в зеркале повторяет судьбу Рюрика – и тот и другой отходят в мир иной древними старцами, оставляя после себя беззащитных малышей.

Да и при всём желании вряд ли Игорь смог бы так долго править, дочитав до конца эту главу, вы сами поймёте, почему.

Существует несколько версий о том, когда началось самостоятельное правление Игоря – в «Повести временных лет» указан 913 год – «В год 6421 (913). После Олега стал кня-

жить Игорь. В это же время стал царствовать Константин, сын Леона». И совершенно другая информация содержится в Новгородской I летописи младшего извода, там под 922 годом следует запись: «Игорь же сядяше в Киеве княжа».

Подобная чехарда в датах, скорее всего, связана с тем, что мы имеем дело с попыткой растянуть срок жизни князя, дабы любой ценой привязать его к Рюрику. Исходя из чего можно сделать подобный вывод?

Вступление Игоря на престол не обошлось без войн, крови и смут. Это характерно для ситуаций со сменой властителя, особенно когда династия ещё недостаточно прочно утвердилась у власти. А право Игоря на Киевский стол не являлось неоспоримым. Кто он? Лишь зять Олега, узурпатора с севера, один из многих представителей высшей киевской знати. Момент спорный, ситуация довольно шаткая. Старого правителя больше нет, он умер, и те, кого он осчастливил своим покровительством помимо их воли, улучив удобный момент, попытались сбросить ярмо зависимости. Лучшей возможности может не представиться.

Первыми восстали древляне, а потом грянула война с уличами. Воинственный Игорь лично повёл свою рать на древлян, а вот против уличей выступил его воевода Свенельд. Возможно, это было первое знакомство Игоря с древлянами. В этот раз им пришлось склониться перед силой и раскошелиться, но это не значит, что они навсегда потеряли надежду скинуть киевское ярмо.

Поставьте зарубку, что тяга к обильному стяжательству проявляется у Игоря буквально в первые же годы правления, о чём и сообщает «Повесть временных лет» – «возложил на них дань больше Олеговой». Видимо, как наказание за непослушание, а может, просто воспользовался поводом. И это древлянам пришлось проглотить. Теперь они могли просто ждать либо следующего удобного момента, либо когда у всего народа чаша терпения переполнится. Вышло так, что эти моменты совпали, но об этом мы ещё поговорим.

У Свенельда всё сложилось не так хорошо, он крепко завяз у уличей.

Лишь после трёх лет осады княжеский воевода сумел овладеть главным городом их земли – Пересеченом. Но самое главное случилось потом – наказав в 925 году уличей, Игорь «взложи на ня дань, и вдасть Свенделду... Идасть же дань деревьскую Свенделду, и имаша по черне куне от дыма» (Новгородская I летопись младшего извода).

Награда воистину княжеская, и это сразу же резко возвышало Свенельда над остальной массой бояр и воевод, он становился одним из богатейших людей в стране, поскольку в его карман пошли дани с двух славянских земель сразу – уличей и древлян.

Что, кстати, понятно. Игорю нужна была поддержка, особенно в начале правления, а Свенельд был тем, кто мог её оказать и на кого можно было смело положиться.

Игорь был до чужого добра охоч, но и жаловать, когда нужно, умел, и не скупился.

А дальше начинаются чудеса – если следовать Новгородской I летописи младшего извода, то в течение последующих 17 лет на Руси ничего не происходит.

Ну совсем ничего. Тишина. Жизнь замерла. И вдруг... натываемся на потрясающую фразу: «В лето 6448 (940). В се лето яшася Уличи по дань Игорю, и Пересечен взят бысть. В се же лето дасть дань на них Свенделду» (Новгородская I летопись младшего извода). Близкая по смыслу фраза про древлянскую дань датируется 942 годом.

Ничего не напоминает?

Точно. Это мы уже видели, только происходило всё намного раньше, и согласно официальной хронологии, в самом начале княжения Игоря. Однозначно, что это не попытка летописца повторить понравившуюся цитату.

Вероятнее всего, это просто одно и то же событие, перенесённое вперёд, чтобы удлинить срок правления Игоря. Либо?

Либо второй вариант – осердился князь Игорь на своего воеводу и отобрал у Свенельда Пересечен, а уличи взяли да снова мятеж учинили, и врата своей столицы перед мужами княжескими захлопнули. Опять князь воеводу к себе кличет:

– Не обессудь, ошибка вышла, снова иди с дружиной на уличей, возмёшь город их – снова твой будет. Вот тебе моё княжеское слово.

И вновь поскакал Свенельд своё добро отвоёвывать. И вновь продлилось это три года.

Верится в такое? Конечно, нет, не бывает таких совпадений.

Всё встанет на свои места, если предположить, что правильными датами являются 940 и 942 годы, а первая (922 год) была указана лишь затем, чтобы удлинить срок жизни и правления Игоря, привязывая тем самым его к варягу Рюрику.

Но и здесь есть один момент, на который стоит обратить внимание, – дело в том, что в отличие от «Повести временных лет» как по Лаврентьевскому, так и по Ипатьевскому спискам, где начало княжения Игоря датируется 913 годом, Новгородская I летопись младшего извода даёт совершенно другую цифру – 922 год. И на наш взгляд, эта дата гораздо ближе к истине, чем та, которую приводит «Повесть». Ведь недаром именно в Новгородской летописи есть сведения о войне с уличами, о действиях Свенельда и его взаимоотношениях с молодым князем в начале правления Игоря, а вот в труде Нестора этих данных нет. Объясняется же подобное знание подробностей очень просто, и здесь основополагающим является мнение блестящего знатока древнерусского летописания академика А.А. Шахматова: «Сравнивая в этих пределах текст Новгородской I летописи младшего извода с текстом Повести вр. лет, убеждаемся в том, что в первой сохранился более древний текст, чем во второй». Судя по всему, «Повесть временных лет» подверглась в своё время гораздо более тщательной переработке позднейшими редакторами, которые буквально за уши притягивали Игоря к приبلудившемуся варягу из Ладоги.

С другой стороны, невозможно не согласиться с мнением Б.А. Рыбакова, который дал очень грамотную оценку летописных известий о первых русских князьях. «В результате редакторско-литературных усилий ... создается новая, особая концепция начальной истории, построенная на двух героях, двух варягах – Рюрике и Олеге. Первый возглавил целый ряд северных славяно-финских племен (по их просьбе) и установил для них порядок, а второй овладел Южной Русью, отменил дань хазарам и возглавил удачный поход 907 или 911 года на греков, обогативший всех его участников.

Вот эта простенькая и по средневековому наивно персонифицирующая историю концепция и должна была заменить широко написанное полотно добросовестного Нестора».

А вот в этом случае объяснимо буквально всё – и Игорь с Ольгой не дряхлые старик со старухой, а достаточно молодые люди. И сын у них рождается не вопреки законам природы, как у бабушки с дедушкой, которые по сусекам скребли да по амбарам мели, чтобы испечь колобка со звонким именем Святослав.

Ну а в результате получается, что самостоятельно Игорь начал править во второй половине 30-х годов X века – и не надо ничего выдумывать.

Но данная версия совершенно не устраивает Прозорова, а горячее пристрастие Льва Рудольфовича к версии канонической как раз и объяснимо.

Для чего ему это надо? А для того, чтобы прочно связать Игоря с Рюриком и на этом примере продемонстрировать, сколь длительное время Русь процветала под мудрым правлением Сына Сокола. То бишь Игоря, как пафосно называет князя писатель.

Чтобы было понятнее, напомним тем, кто запамятовал: дело в том, что Лев Рудольфович по своим религиозным взглядам является неоязычником, причём ярким и бескомпромиссным, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Его взгляд на мир до боли прост. Язычество – это очень хорошо, христианство – очень плохо.

И всё – и никаких гвоздей!

Однако прежде чем идти дальше, позволим себе невольное лирическое отступление.

Дело в том, что когда на глаза попадается имя «Сын Сокола», то сразу возникает образ сильного и благородного индейского вождя в роскошном султানে из перьев, в расшитых бисером мокалинах, в полной боевой раскраске, с ружьём в руке, с томагавком за поясом, и конечно же, орлиным, точнее, соколиным взором.

От этого образа непросто избавиться.

Но Прозоров его упорно навязывает, когда рассказывает про деяния Игоря.

Только вроде забылся, читая о подвигах русского князя, и вдруг бац – опять Сын Сокола! И снова перед глазами мокасины, томагавки, вигвамы...

Однако продолжим.

С самого начала и на протяжении всего повествования Лев Рудольфович усердно вдалбливает в голову читателю мысль о том, что «враждебные князю-язычнику монахи-летописцы», которые составляли летописные своды, специально терпеливо выискивали, а после того как находили, нещадно вымарывали оттуда всю информацию, прославляющую языческих князей, и всячески принижали их деяния. И поневоле начинаешь верить писателю, который с таким энтузиазмом и жаром это доказывает.

Поэтому противостояние язычник – христианин проходит лейтмотивом ЛЮБОГО из его произведений. Главное, что при этом ему удаётся убедить в таком подходе не только читателя, но и самого себя.

К примеру, говоря о княгине Ольге и Игоре, автор со всей серьёзностью заявляет: «И это в ее имя чернили государя-язычника иноки-летописцы последующих веков. Дабы оттенить тусклую звездочку ее «премудрости», заволакивали туманами лжи ясное солнце его государственного и полководческого гения».

Вот так – солнце ясное полководческого гения... Ни убавить, ни прибавить.

Надо заметить, что сам Игорь относился к вере своей жены куда лояльнее, чем это делает Лев Рудольфович. Между супругами она колом не стояла. Получается, что Киевский князь был куда терпимее своего далёкого поклонника. Хотя вряд ли его порадовали бы такие нападки правдоискателя на любимую жену. И есть определённые сомнения в том, что Льву Рудольфовичу удалось бы объяснить одному из своих кумиров, что всё это он делает из любви к нему. Скорее всего результат такого общения не очень бы понравился популярному автору книг о Древней Руси.

Однако к характеристикам князя Игоря мы ещё вернёмся не раз, а пока поговорим о подходе Льва Рудольфовича к делу в целом.

Певец языческих доблестей и ценностей всегда начеку, его бдительное око везде видит угрозу, особенно со стороны злостных монахов, ведущих летописные своды, но только он её явно преувеличивает. А чтобы не быть голословными, мы снова обратимся к «Слову о законе и благодати», которое, как помним, было написано не кем-нибудь, а самим митрополитом Киевским Илларионом (умер в 1055 году). Вот уж кто, если придерживаться мнения Льва Рудольфовича, должен был обрушить громы и молнии на головы поганых князей-язычников, поскольку являлся главой столь ненавистой сердцу Прозорова Русской церкви.

А что мы видим в действительности?

Дадим возможность сказать самому митрополиту Иллариону.

«Восхвалим же и мы, – по немощи нашей хотя бы и малыми похвалами, – свершившего великие и чудные деяния учителя и наставника нашего, великого князя земли нашей Владимира, внука древнего Игоря, сына же славного Святослава, которые, во дни свои властвуя, мужеством и храбростью известны были во многих странах, победы и могущество их воспоминаются и прославляются поныне. Ведь владычествовали они не в безвестной и худой земле, но в земле Русской, что ведома во всех наслышанных о ней четырех концах земли».

Во как! – «победы и могущество их воспоминаются и прославляются поныне», то есть глава Русской церкви на всю страну совершенно официально заявляет, что гордится деяниями легендарных языческих князей, которые прославили его родину – ведь Илларион являлся первым митрополитом русского происхождения!

И кого тут чернят, чей гений «заволакивают туманами лжи»?

Нет ответа.

Игорь – несомненный язычник. Не придерешься, а значит, Прозоровым выбран вектор на восхваление последнего. И дело даже не в том, что Игорь не заслуживает доброго слова. Вовсе нет.

Новгородская I летопись младшего извода так и характеризует князя: «и бысть храбор и мудр». О том же сообщает и Пискаревский летописец – «бысть храбр и мудр». Тут даже спорить нечего. Тем более что мы, собственно, и не собирались. Но...

Но Прозорову этого недостаточно, и он в самом прямом смысле начинает петь хвалу Игорю, иногда даже вступая в противоречие с фактами и здравым смыслом.

А это уже перебор.

Везде выискивая подвох, а также благодаря своей богатой фантазии, писатель в пику монахам-вымарывателям от всего большого и щедрого прозоровского сердца наделяет своих героев такими великими деяниями и подвигами, коих они не совершали вовсе. Как будто того, что они уже совершили, будет мало. Притом так увлекается своей фантазией, что приравнивает её к первоисточникам.

Прекрасным примером этому служит первое столкновение князя Игоря с печенегами. Однако оговоримся сразу – все даты Лев Рудольфович приводит канонические, они его устраивают целиком и полностью, поскольку отвечают всем теориям писателя.

«Так вот, когда в 915 году «пришли впервые печенеги на русскую землю», «безрассудный авантюрист» сумел заключить с кочевниками мир.

Не иначе, как сумел Сын Сокола объяснить новым соседям: Русь не легкая добыча.

Ясное дело, не словами объяснял. Подобные разбойные народцы от веку понимают один язык – язык силы. Проще говоря, печенежские вожди обломали зубы об Игоревы дружины, «сохранили лицо», заключив мир, и быстро откочевали к Дунаю». (Л.П.).

Лев Рудольфович свой ход сделал, теперь наша очередь.

По мнению Прозорова, «Сын Сокола» разметал по степи печенежские орды, заставив их заключить мир. Но вот незадача – ни в отечественных, ни тем более в зарубежных источниках упоминаний об этой великой битве не значится, зато все в один голос пишут о том, что был заключён мир.

То есть битвы не было, а мир заключён. Как же так? Снова загадка?

За разгадкой попробуем обратиться к историкам, располагавшим источниками, не дошедшими до наших дней и часто сообщающих сведения поистине уникальные – речь идёт, конечно же, о В.Н. Татищеве и Н.М. Карамзине.

Вот что сообщил по интересующему нас вопросу В.Н. Татищев: «Пришли печенеги первый раз на Русскую землю и, сотворив мир с Игорем, прошли к Дунаю».

Странно, Татищев битву упустил, а ведь это признанный авторитет, в том числе и для Прозорова. Факты он излагает всегда точно. Это трактовки можно иногда оспорить.

Н.М. Карамзин и вовсе окончательно сокрушает выдумку Льва Рудольфовича: «Но скоро новые враги, сильные числом, страшные дерзостью и грабительством, явились в пределах России. Они под именем Печенегов так славны в летописях наших... Печенеги думали, может быть, ограбить Киев; но встреченные сильным войском, не захотели отвесть счастья в битве и мирно удалились в Бессарабию или Молдавию, где уже господствовали тогда их единоплеменники».

Казалось бы, вопрос снят, но Прозоров с настырностью, достойной лучшего применения, продолжает глаголить нам о том, что произошли крупные боевые действия, из которых Игорь вышел победителем.

Татищев и Карамзин, чьи имена являются гордостью отечественной исторической науки, не убедили популярного писателя. Пусть он не располагает фактами, но зато он вооружён самой передовой в мире философией. Жаль только, что под его талантливym пером эта самая философия предполагает отсутствие здравого смысла. Особенно когда оппонировать нечем.

Спросите – а ваша версия? Что вы сами думаете?

Вероятнее всего, узнав о подходе хищной степной орды, воинственный Киевский князь собрал полки и выступил к границам – там и произошла его встреча с печенежскими вождями, которые заключили с ним мир.

Печенежская стратегия и тактика совершенно не подходят для прямых боевых столкновений лоб в лоб и сила на силу, только если сильно принудить. Практически все крупные полевые сражения, которые печенеги дали русам, они безоговорочно проиграли – достаточно вспомнить битвы Ярослава Мудрого с этим народом. Главные их козыри – внезапность и стремительность.

Если опустить дату, о спорности которой мы уже говорили, то печенеги пришли неспроста. Они тоже не глухие и не в вакууме живут. У них появилась информация, что Киевский князь Олег помер, провинции взбунтовались, и новый князь не просто с одной дружиной выехал усмирять мятежников, а даже воеводу с войском для того же дела из столицы отправил.

Что это значит?

Только одно: земля беззащитна, надо успеть пограбить, пока войска не вернулись, иначе будет не весёлый грабёж, а лютая драка, что уже не так интересно, ибо тут уже самим можно огрести.

Однако Игорь успел не только разобраться с древлянами, но и перекрыть границу перед ордой печенегов.

Степняки всегда боялись открытого боя, а потому, увидев своими глазами княжескую рать во всей её красе, могли запросто согласиться на мирные инициативы Игоря.

К тому же, князь мог позволить печенежским ханам сохранить лицо и чем-то одарить их, поскольку, как известно, худой мир лучше доброй ссоры. Такие вещи случались, и не раз. А терять без нужды своих воинов Игорю тоже не хотелось. Воистину Игорь оказался «муж мудр», поскольку без пролития крови решил серьёзнейшую проблему, и мы имеем все основания гордиться его дипломатическими талантами.

Казалось бы, чего дуться, ведь славу поют языческому герою. Кровь не пролил, а землю от разорения спас, грудью защитил. Такое не каждому по силам.

Голову включить – это не просто шашкой махать.

Но только Льву Рудольфовичу нужно не это, ему нужен бой «кровавый, святой и правый» – и сейчас вы поймёте почему. Просто, по его мнению, дипломатия – это так, баловство, для слабаков и ботаников.

Русским языческим князьям не до неё, пока рука крепко держит меч. Вот позиция писателя.

Так что ему нужен не дипломат, а полководец, способный выиграть великую, но всеми забытую битву.

Только вот зачем её выдумывать, в жизни Игоря и без этого было много достойных дел и ратных подвигов.

Вот один из них.

«Пять лет спустя в летописи появляется скромная строчка «Игорь воеваша на печенегов». И все. И ничего более, кроме того, что двадцать четыре года – целое поколение – спустя Игорь мог «повелеть» печенегам, и те покорно повиновались. Кроме того, что напасть на Русь печенеги решились впервые еще двадцать четыре года спустя – в 968 году.

Вспомним Феофилакта Болгарского. Можно вспомнить и византийца Кедрина, писавшего, что печенеги не знают договоров, смеются над клятвами и почитают лишь силу. Как надо было разбить это племя, чтобы два поколения из памяти степняков не изгладились три страшных слова: Киев, Русь, Игорь?

И не просто разбить. Обратите внимание – Игорь «воевал на печенегов». Не отбил набег. Даже не разгромил нашествие. Пошел на них. Значит – в степь. И победил» (Л.П.).

Действительно, такой славный поход на печенегов в заслугах Игоря числится.

Длительный мир со степняками был невозможен в принципе никогда, и на причину, по которой это происходило, чётко указал В.Н. Татищев: «Неудобно было их, из-за множества владетелей их, миром успокоить». Вполне вероятно, что одни ханы соблюдали с Игорем договор, а другие нет. Скорее всего не все печенежские роды и обещали князю этот мир.

Очевидно кочевники, несмотря на клятвы и заверения, всё же потревожили границы княжеских земель. Возможно, хотели проверить бдительность русских дружин, но, видимо, больших бед натворить не успели, а Игорь ждать повторения не стал, и помня, «что печенеги не знают договоров, смеются над клятвами и почитают лишь силу», вышел в степь сам. Силу показал, но вновь обошлось без генерального сражения, поскольку в летописях данный факт не отмечен.

Видимо, уже представляли степняки, с кем имеют дело.

Но факт остаётся фактом – Киевский князь пошёл в степь и напугал кочевников до полусмерти, так что вплоть до 968 года о них в русских пределах просто забыли.

Это большое достижение и огромная заслуга храброго русского князя.

Но Прозорову этого недостаточно, и он, желая усилить впечатление от своих идей, добавляет совсем не к месту.

«И тем не менее «бездарный» Игорь стал первым полководцем земледельческого, оседлого народа, разбившим кочевников на их же территории, в степи» (Л.П.).

Только вот опять всё не слава богу, поскольку тезис Прозорова является лишь очередной фантазией автора.

Впечатление складывается такое: либо Лев Рудольфович вообще принципиально не читает письменные источники и рассказывает читателям только то, что взбрёт в его мномудрую голову, либо всё-таки читает, но выборочно, а то, что идёт вразрез с его теориями, отбрасывает за ненадобностью. Не каждый полезет проверять правдивость тех данных, которые он соизволил сообщить! Но мы не поленились, проверили. И результат оказался закономерным.

Так вот, Игорь был далеко не первым, кто разгромил в степях печенегов, эта честь принадлежит Киевскому князю Осколду (Аскольду), чьё имя и деяния также старались вымарать из истории придворные летописцы в угоду уже потомкам Игоря.

Под 875 годом в Никоновской летописи есть запись: «Того же лета избиша множество печенег Осколд и Дир». Поскольку следующее известие о том, что печенеги снова подошли к границам Руси, будет связано с именем Игоря, а непосредственное вторжение на Русь с именем Святослава, то можно с уверенностью утверждать, что князь Осколд ходил именно в степь. Больше громить и «избивать» кочевников Киевскому князю было просто негде, а потому вопрос о том, кто же первый побил печенегов в степи, с повестки дня снимается.

Как говорится – учите матчасть!

Возникает вопрос, а зачем тогда потребовалось в очередной раз исказить истину и приписывать Игорю то, что он не совершал? Ответ прост, и кроется он в религиозных взгля-

дах Льва Рудольфовича: будучи убеждённым неоязычником, автор люто ненавидит всё то, что связано с христианством, а поскольку язычник Осколд в итоге крестился и стал христианином, то и сделать что-то полезное для страны он, по глубокому убеждению Прозорова, был не в состоянии. Вот так пишет историю Древней Руси Лев Рудольфович...

Но и этого ему показалось мало, и чтобы уж вообще выделить героя из толпы, он решил возвеличить Игоря окончательно.

«И не просто разбившим – превратившим в вассалов. На сорок восемь лет внушившим разбойным дикарям ужас перед именем Русь» (Л.П.).

Вот так. Печенеги покорились Игорю и стали ему верными и мирными подданными, послушными лишь его воле.

На основании чего автор делает подобное умозаключение?

Из каких документов черпает столь ценную информацию?

Кто ищет, тот всегда находит, вопрос что. И Прозоров нашёл. Он нашёл строчку, способствующую развитию его неординарной мысли. Оцените.

«Игорь и повеле Печенегом воевати Болгарьску землю».

Вот, собственно, и всё, а большего ему и не нужно.

Главное, ореол создать, легенду. А уж если она создана, то разрушить её ой как непросто! Вот Лев Рудольфович и трудится в поте лица. Материал по крохам собирает, строчку на строчку нанизывает. Лишь бы найти, лишь бы было, а уж склеит, сплетёт воедино он сам, украсив своим талантом.

Однако и тут его ссылка на цитату из летописи, которая относится ко второму походу на Византию в 943 году, когда князь решил взять реванш за поражение в 941, явно несостоятельна.

Да и говорит она нам совсем об ином.

Планируя вести боевые действия как на море, так и на суше, Игорь нанял печенежскую конницу, чтобы противопоставить её на полях сражений грозной кавалерии Империи.

Да-да, именно нанял, а не приказал идти под своим стягом на Византию, как послушным вассалам. Все мудрёные конструкции Льва Рудольфовича рушатся как карточный домик, когда мы читаем сообщение Ермолинской летописи, где лазутчики говорят базилевсу: «Русь идёт на тя и Печенег наняли суть».

Хотите, перефразируем специально для Прозорова: взял степняков на временную работу по контракту. И грубое слово «наёмник» больше не режет его нежный слух.

А ведь боевые действия одновременно против русов и печенегов могли присниться византийскому императору разве что в кошмарном сне.

Но всё решилось миром – князь получил огромный откуп и вернулся на Русь, а вот своих союзников отпустил воевать в Болгарию. И на то были веские причины.

Невзирая на многочисленные песни о русско-болгарской дружбе, в IX–X веках эти два народа были врагами лютыми и непримиримыми, о чём однозначно свидетельствуют письменные источники. И не случайно, когда Игорь ходил походами на Империю, именно болгары извещали византийцев о движении русских войск.

Но наиболее ярким свидетельством того антагонизма, который существовал между двумя державами, является поведение болгар во время войны Руси с Хазарским каганатом. «Святослав, как по призыву Никифора, царя греческого, на болгар, так и по своей обиде, **что болгары помогали казарам, пошел снова к Дунаю**» (В.Н. Татищев). Как видим, именно Болгария оказалась **ЕДИНСТВЕННЫМ** государством, которое оказало помощь каганату, столь ненавистному языческому сердцу Льва Рудольфовича. Ведь Хазария для Прозорова – всё равно, что красная тряпка для быка, он каганат ненавидит даже больше, чем Византию, которая была оплотом христианства на Востоке. Но что примечательно, о недостойном поведении «братушек» писатель молчит. Как воды в рот набрал! Ещё бы, ведь сей факт не

вписывается в его теорию о всеобщем славянском братстве и единении! Хотя с таким подходом Прозоров и ляхов друзьями Руси сделает...

Но вернёмся к болгарам. Ведь с ними воевал ещё князь Осколд, и именно в боях с болгарскими погубил его сын, о чём и сообщает Никоновская летопись. Под 872 годом читаем: «Убиен бысть от болгар Осколдов сын». Ну а поскольку в районе Днепра и Приднестровья волжским болгарам взяться просто неоткуда, то и вывод может быть только один – княжич погиб от рук болгар дунайских.

Или же воспользуемся выдержкой о Византийском походе Святослава из труда Л.Н. Гумилёва. А он прямо пишет: «Болгары быстро перешли на сторону греков: русы уже разочаровали их насилиями и жестокостью».

А может, просто понятия о любви и дружбе у нас со Львом Рудольфовичем несколько разнятся? Скорее всего да, но, видимо, и Игорь тоже представлял эти понятия несколько иначе, чем его апологет Прозоров.

В итоге, после того как в 943 году был заключён на Дунае мир с ромеями, интересы Игоря и печенежских ханов полностью совпали – одни хотели пограбить богатые земли Болгарии, другой – наказать врагов своей страны.

В энтузиазме печенегов можно не сомневаться – они нанимались сражаться против Империи за деньги и долю в добыче, и таким образом князь с ними частично расплачивался, соблюдая при этом свою выгоду.

Что же касается печенегов-вассалов, то ими станут лишь жалкие остатки некогда грозных печенежских орд после того, как Ярослав Мудрый переломит им хребет и начнётся создание Поросской линии обороны. Вот тогда печенеги, торки, беренди по воле русских князей будут селиться вдоль реки Рось и станут надёжным щитом русской земли, войдя в историю под именем «Чёрных клобуков». Но это случится ещё не скоро.

Интересное замечание делает Н.М. Карамзин, когда подводит итоги борьбы Игоря с печенежской напастью: «Печенеги, заключив союз с Игорем, пять лет не тревожили России: по крайней мере, Нестор говорит о первой действительной войне с ними уже в 920 году. **Предание не сообщило ему известия об ее следствиях».**

Как видим, о последствиях войны известий нет никаких, и надо думать, что если бы печенежские ханы признали вассальную зависимость от Киева, неужели летописец о ней бы не сообщил? Сообщил бы, да ещё с какой радостью! Но...

«Ох, летописцы-чернецы... какими немногословными становятся они, описывая победы князей-язычников!» Верен, верен себе Лев Рудольфович, везде его недремлющее око зрит происки окаянных христиан, которые в очередной раз решили исказить память о подвигах князей языческой Руси.

Однако зря он возводит на них напраслину. Летописцы-чернецы ой как внимательно ведут наблюдение за Киевским князем, и именно поэтому очень скрупулезно оценивают и первый его византийский поход, и причины, к нему приведшие.

В 941 году Игорь решается выступить против Византии. Казалось бы, только утвердил свою власть над Киевом, только успокоил мятежи, чего дома не сидится? Ведь никакой необходимости явной в этом походе не наблюдается.

И всё бы оно так. Да немного не так. Первый раз молодому и храброму князю придётся идти на Византию не по своей воле.

А что же послужило побудительной причиной для такого предприятия?

Да просто банальная зависть и алчность.

То, что князь так возвысил Свенелда, даром не прошло: «И дасть же дань деревьскую Свенделду, и имаша по черне куне от дыма. И реша дружина Игореве: «се дал еси единому мужеве много» (Новгородская I летопись младшего извода).

Это первый конфликт князя со своей дружиной. Именно она диктует ему условия, считая себя обделённой по отношению к воеводе Свенелду и его гридням. Игорь, недавно севший на Киевский стол, находится пока не в том положении, чтобы игнорировать требования своих людей.

Складывается впечатление, что дружина поставила князю ультиматум. Такое не часто происходило в отечественной истории, однако случаи были.

Выбор у Игоря отсутствует, сейчас ему надо срочно успокоить своих людей, швырнуть им кусок пожирнее, чтобы они заткнулись, а заодно продемонстрировать в этом походе, что он настоящий достойный вождь.

Вот так, очевидно, и родился поход на Византию в 941 году.

Запомните этот момент, такое повторится ещё не раз. Создаётся впечатление, что временами скорее княжьи мужи руководили Игорем, чем он ими. Эти ветераны так распустились, что порой могли просто игнорировать желания князя.

Интересно, что конфликт происходит именно со старой, казалось бы, проверенной дружиной, а не с той, которую позже пополнили «варяги-христиане... в немалом числе», как вещает нам Прозоров.

Но в поход, так в поход. Думаем, что Игорь мог и в этом найти для себя положительные стороны. Доблесть проявить, куш сорвать, всё это было важно, в том числе и для него лично. Ведь в борьбе с Империей можно было получить и то и другое.

Начало похода было многообещающим.

Князь всё просчитал до мелочей. В отличие от своих предшественников, которые, выступая против Империи, ломались, не ведая преград напрямик на Царьград, Игорь поступил более разумно – он решил нанести удар не по столице, а по провинциям, которые располагались на северном побережье Малой Азии.

Русы, поскольку их прихода никто не ждал, беспрепятственно высадились на берегах Анатолии, захватили провинцию Вифиния и подвергли страну беспощадному разгрому.

Отряды Игоря вторглись в земли Пафлагонии, доходили до Никомедии на западе и Гераклеи на востоке, и всё это время грабили, грабили и ещё раз грабили. Беззащитные провинции Империи подвергли тотальному разгрому, набивая добром свои ладьи, и об этом пишут не только византийские хронисты, которые, по мнению Прозорова, только и занимаются тем, что фальсифицируют историю, но русские летописи.

«Много же и святых церквей предали огню, монастыри и села пожгли и по обоим берегам Суда захватили немало богатств» («Повесть временных лет»). Добыча превзошла все разумные ожидания, ладьи ломились от груза, поскольку русы задержались в землях Империи аж на целых 3 месяца. А это очень серьёзный срок.

Однако у Прозорова свой взгляд на ситуацию, в которой наши предки ведут себя так, как по его авторитетному мнению вести себя не должны – грабят и истязают мирное население. Как в этом случае вывернется популярный писатель? Что скажет в оправдание своего героя? Но Льву Рудольфовичу палец в рот не клади!

«Для руса-воина тех времен завоевание было не разбойным налетом и возможностью личного обогащения. Оно не только давало права, но и накладывало обязанности по отношению к завоеванным. Русы присваивали лишь – «что с бою взято, то свято» – имущество разбитой и как бы замененной ими воинской знати».

Про права мы все хорошо понимаем. Особенно на захваченной земле. А вот что с обязанностями? Какие такие обязанности по отношению к мирному населению накладывало на русов завоевание вражеской территории в данный конкретный момент? Непонятно. Ну а кто нам растолкует, кроме Прозорова, «человека, профессионально изучившего эпоху»?

Но Лев Рудольфович продолжает назидательно вещать: «А уж мягкость обращения с населением захваченного города кажется невероятной, даже по сегодняшним меркам».

Обратимся за информацией уже не к «Повести временных лет», а к Новгородской I летописи младшего извода. Она доходчиво расскажет, чем три месяца занималось войско Игоря. Мягкость обращения русской дружины с местным населением оцените сами: «А ихъ же имше пленники, овех растинаху, инья же къ земле посекаху, другыя же поставляюще, стрелами стреляху; елико же ратнии творят, изьломаще опаки руце и связающе, гвозды железны посреде главъ вбивающе».

Думаем, что перевод при описании этих ужасов не требуется.

И автор «Повести», и новгородский летописец, пусть разными словами, но рассказывают об одном и том же. Возможно, что чуткий нос Льва Рудольфовича и здесь унюхает коварный сговор между киевскими и новгородскими монахами-летописцами с целью очернения благородных язычников, но вот беда, есть ещё и византийские источники!

«Много злодеяний совершили росы до подхода ромейского войска: предали огню побежье Стена, а из пленных одних распинали на кресте, других вколачивали в землю, третьих ставили мишенями и расстреливали из луков. Пленным же из священнического сословия они связали за спиной руки и вгоняли им в голову железные гвозди. Немало они сожгли и святых храмов» (*Продолжатель Феофана*).

Подойдём к вопросу с другой стороны. Допустим, что византийские историки вступили в преступную сделку с русскими летописцами и те за определённую сумму сознательно исказили картину поведения наших предков на вражеских землях. Вселенский заговор, столь милый бдительному сердцу Льва Рудольфовича, налицо.

Но есть ещё один источник, на который даже у Прозорова рука не поднимется. Это народный фольклор. Народ трудно заподозрить в фальсификации. Вспомним былинку «Волх Всеславович». Там очень красочно рассказано о том, как ведут себя русы на захваченной земле.

А и ходит его дружина по царству Индейскому,
А и рубит старого, малого,
А и только оставляют по выбору
Душечки красны девицы...

Даже женщин оставляют по выбору, а остальных всех пускают под меч!

Интересно, как это всё прокомментирует господин писатель? Наверное, сурово сдвинет брови и назидательно заявит о том, что жители Индии тоже какие-то клятвы перед русами нарушили!

Наши предки были детьми своего времени, храбрыми, благородными и отважными, но часто они становились жестокими и бессердечными, лютыми и свирепыми, ни своей, ни чужой крови не жалеющими, а потому не надо однобоко изображать их добрыми и отзывчивыми, особенно на войне, и уж тем более на чужой земле. Всякое бывало. А воин, он всегда остаётся воином.

Но Певца Языческой Руси это не устраивает, и он продолжает пичкать народ байками про «добренских русов», упорно отказываясь называть вещи своими именами. Писатель не признаёт другого взгляда на историю, ведь только его собственные идеи имеют право на существование.

Лев Рудольфович бушует как океан: «Позвольте же поверить не современным историкам, на которых, видать, шапки синим пламенем полыхают. И не отвлеченным толкам Диакона о «варварской жадности». Мы поверим фактам, сообщаемым Ибн Мискавейхом, летописью, тем же Диакonom. А факты говорят, что расширение границ Руси, стяжание славы и жертвенное Служение ратным Богам (у Святослава еще укрепление Древней Веры и объединение славян) были бесконечно важнее русам, чем набивание седельных мешков окровав-

ленным бараклом (захвата сырьевых ресурсов колоний, контроля над нефтяными месторождениями и пр.) – смысл и суть войны для просвещенного человечества XVIII–XXI веков».

Спорить с Прозоровым – дело по большому счёту неблагодарное, поскольку, выдвинув какой-либо постулат, он моментально начинает всё под него подгонять, частенько занимаясь откровенной фальсификацией. Лев Рудольфович коварен!

Хотите примеров, которые опровергают постулаты нестяжателя Прозорова о смысле заморских походов русов – пожалуйста!

«И много же святых церквей огневи предаша, монастыри и села пожгошаи, имения немало обою страну взяша» (*Пискаревский летописец*). О том же пишет и В.Н. Татищев, который использовал в своей работе Иоакимовскую летопись и является для Прозорова непререкаемым авторитетом: «И всю страну Никомидскую попленил, и суду всю их пожег и побрал. Много же святых церквей, и монастырей, и сел пожгли и имение многое от обоих стран взяли».

Теперь слово Лиутпранду Кремонскому, человеку, который обладал информацией о походе Игоря на Империю в 941 году, можно сказать, из первых рук. Поскольку его отчим в это время находился в Константинополе в составе посольства итальянского короля Гуго – «Игорь в это время опустошал морское побережье». Под понятием «опустошал» начиная с античных времён авторы всегда подразумевали организованный погром и грабёж захваченных территорий. И русы здесь явно не были исключением.

Снова обратимся к былинае «Волх Всеславович». В ней конкретно показано, как после разгрома Индийского царства главный герой делит с дружиной добычу:

Он злата-серебра выкатил,
А и коней, коров табуном делил,
А на всякого брата по сту тысячей...

Идейные соображения, на которые столь падок Прозоров, отсутствуют начисто!

Так что пространные рассуждения писателя о том, что «позвольте же поверить не современным историкам, на которых, видать, шапки синим пламенем полыхают», могут с таким же успехом относиться и к нему самому – кто его знает, что там полыхает на голове у Льва Рудольфовича! Всё как в легендарной притче, словно про него сложенной, – видя соринку в чужом глазу, популярный литератор не замечает бревна в глазу собственном.

Однако Прозорова не остановить, глас его гремит над страной подобно набату – «Бьются не ради победы. Бьются потому, что таков долг воина».

Лев Рудольфович старательно навязывает нам образ русского воина-идеалиста, для которого важен сам факт драки, сражения, схватки, под которым сам писатель подразумевает честь. И воины дерутся всегда только с мыслями о чести. И ни о чём более.

Ничего не напоминает? Правильно, лучше всего это передано устами одного из легендарных мушкетёров.

– «Я дерусь просто потому, что дерусь, – покраснев, ответил Портос».

Это сказано в тот самый момент, когда истинную причину лучше всего скрыть.

По-другому не бывает. Просто не может быть.

Жизнь профессионального воина часто коротка. Сама по себе профессия опасная. Риск расстаться с жизнью крайне велик, и иногда совершенно бескорыстно, то есть задаром.

Печенежская стрела, болгарское копье, хазарская кривая сабля, византийский меч, а то и древлянский топор могли в любой момент оборвать жизнь дружинника.

А ведь у него тоже есть обязательства. Есть жена, дети, родители, родственники, в конце концов. А какой товар у воина? Он один – жизнь! Кто-то возразит или переиначит –

мол, есть ещё умение, потом добавит: преданность и мужество, вплетёт ещё пару качеств. Но!

Но если воин погиб, никакого умения уже не потребуется. И в худшем случае его семью будет кормить просто некому, а в лучшем будет кормить кто-то другой. Но точно не он. Прочитать все риски изначально нельзя.

А воин, неважно, язычник он или христианин, всегда смотрит в будущее.

Да, он состоит на службе у князя, и за одно это уже получает неплохое жалование. Это хорошо, это справедливо. Он охраняет свою землю от врага, и родная земля ему за это платит. На своей земле воин может рассчитывать только на эти деньги, да ещё на славу. Что само по себе немало, но не кормит.

Надёжное оружие, снаряжение, сбруя для коня, да и сам конь – всё обходилось недёшево, за всё надо было платить, а если хочешь лучшего, значит, платить больше. Да и сами знаете: по одежке встречают. Ни в одной летописи не упоминается, что княжеская дружина похожа на оборванцев. Хотя...

Хотя именно Игорева дружина и заявила однажды своему князю – «а мы наги». Только вот не надо думать, что этим добрым молодцам нечем было срам прикрыть, поскольку подобные разговоры они повели не от плохой жизни. Но об этом мы расскажем в конце главы.

Теперь вернёмся к вопросу о том, за счёт чего поддерживалось благосостояние дружинников.

По большому счёту, это было возможно только за счёт премиальных и заграничных командировок.

Ни одному оратаю такое боевое снаряжение не по карману.

Так оно ему и не нужно, – можете сказать вы.

Правильно. Но бывают и такие годы, когда князю приходилось скликать ополчение. Для масштабной войны нужны были массы. Вот тогда разница ощущалась сразу. И в вооружении, и в умении. И любому ополченцу, оторванному от плуга или какого другого ремесла, делалось спокойнее, и чувствовал он себя увереннее, когда в одном строю с ним шли эти закованные в броню машины для убийства и разрушения. Всегда приятно осознавать, что они воюют на твоей стороне, а не противника.

Скажите – это меркантильно. Но вспомните, что любой солдат, воин, боец – такой же человек, а не красивая фантазия, набитая доверху идеалами.

Чтобы не быть голословными, обратимся к одному из древнейших памятников славянского права – «Закону судного людям». Он был составлен и записан в Болгарии, веке приблизительно в девятом. Именно он на протяжении нескольких веков служил основным воинским правилом для всех воинов, славян, какой бы религии они ни были.

В своё время соответствующие статьи этого закона были даже внесены в «Устав Владимира Всеволодовича Мономаха».

Вот уж кто был для степи угрозой!

Так вот. В этом законе высокие духовные требования, предъявляемые воину, постоянно участвующему в ратных походах, вполне спокойно сочетались с его личными, меркантильными интересами, например по разделу добычи. Убедитесь сами.

Например. «О битвах и бойцах, сражающихся беспрестанно. О супостатах».

Выдержка: «Отправляясь на бой с супостатом, подобает остерегаться всех неприязненных слов.... И сражаться в ясном сознании, ибо помощь даётся от Бога светлым сердцам. Не от большей силы победа в бою, а в Боге крепость». И буквально строкой ниже, после этих самых возвышенных строк читаем:

«И после того, как Бог победу дал, шестую часть следует взять князю, а остальное всё возьмут себе все люди, разделив поровну между великими и малыми».

«Если найдутся некоторые из них кметы, или простые люди, проявившие смелость, подвиги и храбрые поступки совершившие, то получают от находящегося там в то время князя или воеводы из указанной княжеской доли».

Все выплаты чётко оговорены, в том числе и запланированный подвиг.

И ничего в этом позорного нет.

Воин верен своему долгу. Он действительно патриот. Он сражается не щадя жизни своей против любого врага без понуканий и призывов к совести.

Или представьте такую ситуацию. Налетели, как коршуны на добычу, на русские мирные поля, города и сёла печенеги. Дружина вовремя их упредила, и разгуляться ворогу не дала.

Надавала тумачов обалдуям и выгнала с родных просторов прочь.

И что? Разбил врага – молодец. Сделал своё дело хорошо – слава тебе и почёт. Оклад свой отработал, не зря свой хлеб ешь.

Но воин тоже человек, и он, как, собственно, и большинство людей, бывает падок на золото-серебро и другие какие диковины, полезные в хозяйстве.

Ему за свою нелёгкую службу премию получить хочется.

А откуда князю её, эту премию, взять? Из каких запасов? Со своего народа подати увеличить? Так не поймёт народ.

Вот князь и идёт в поход. И свои финансовые, а может, и политические дела поправить, и дружине премию заработать. И если такой поход удался, то все довольны.

Князю – слава и почёт, народу – спокойствие, дружине – доход.

Там, в чужих краях, её никто не ограничивает, там и народ чужой – его не жалко. Сколько собрал – всё твоё. Именно за счёт таких походов и богатеет дружина. А князь смотрит, противника выбирает, чтобы и добыча была, и в то же время польза своей земле. Кого усмирить, кого наказать, а кого и примучить, расширяя свою власть и свои владения.

Чаще всего эти две вещи князьям удавалось совместить.

Так что пустыми романтиками русские дружинники не были. И деньги считать умели, и хозяйство вести, если нужно. Добыча нужна была не только для того, чтобы перед соседями бахвалиться да красным девкам понравиться. Добыча нужна была для того, чтобы жить. А уж понравится кому-то такой взгляд или нет, решайте сами. Только правде лучше смотреть в глаза.

Само же утверждение Прозорова о том, что «бьются не ради победы», выглядит, мягко говоря, забавным. Возникает очередной закономерный вопрос к литератору – а во имя чего сражаются?

Даже при Фермопилах греки бились сначала ради победы, а потом, когда узнали, что враг идёт в тыл через горы, спартанцы остались и просто прикрывали отходившие войска. То есть уже по необходимости. И такое бывает. Не останься царь Леонид в ущелье, и многочисленная персидская кавалерия запросто догнала и порубила бы отступающую греческую пехоту, к тому же лишённую единого командования. Не из идейных соображений не отступили со всеми спартанцы, соображения стратегические удержали их в ущелье.

Но для Льва Рудольфовича стратегия и тактика звук пустой, так же как и политическая целесообразность, ему куда важнее дела идеологические, разнообразные клятвы и прочее сотрясение воздуха.

Кстати, про пустые, но безумно красивые сотрясения воздуха, знания и логику. Хочется сделать небольшую вставку именно здесь, чтобы позже к этому уже не возвращаться. Как вы уже наверно поняли, Лев Рудольфович язычник истинный, ортодоксальный, яростный и агрессивный до мозга костей. Именно язычество он отстаивает в своих книгах, именно он пытается взять на себя очень трудную роль – теоретика, идейного вдохновителя, а также крупного знатока несколько подзабытой религии. Чтобы уж всем окончательно всё было

ясно, он даже присвоил себе новое звучное имя. Лев Рудольфович, это так, имя светское, оно с детства преследует писателя.

Очевидно, что Прозоров решил от него избавиться. Язычник, видимо, должен выбирать себе имя сам, это дело серьёзное, личное, интимное, можно сказать, и не семье сюда лезть. Но раз уж нарушена сия приватность, то нужно это исправить и сделать всё самому. И вот Лев, в миру Рудольфович, подумал-подумал да и выбрал себе имя сам, без помощи родителей. С тех пор двигатель славянского язычества прозывается Озар Ворон.

Имя и имя, очаровательно, звучно, скромненько, но со вкусом. Ум и отвага в одном флаконе.

И всё бы ничего, но раз уж мы пишем здесь про Сокола, сына Сокола и внука Сокола – любимых славянских князей, ставших кумирами писателя, то не можем не увидеть одну несообразность.

Что нас опять тревожит? К чему мы опять прицепились?

Своими словами говорить не будем, воспользуемся прекрасной цитатой из книги Михаила Задорнова.

«Оказывается, сокол уникален тем, что никогда не нападает на врага исподтишка или сзади. Это самая отважная птица. Птица-витязь! Не питается падалью – ниже его соколиного достоинства. Если жертва упала на землю, сокол ее не добывает. Благороднейший девиз – «Не бей лежачего»! А у скандинавов любимой птицей, которой они поклонялись, был ворон. **Ворон**, который питается... падалью!» (М. Задорнов).

Не в бровь, а в глаз.

Да бог с ними, с викингами. Наши предки тоже ворон особо не жаловали. В «Слове о полку Игореве» эта птица явно не является олицетворением чего-то хорошего и светлого. Звучит емко и хлестко – «черный ворон, поганый половчине!» А для полного счастья приведем отрывок из былины Вольга: «Поезжае Вольга в Волгугород, видела царица нехороший сон: бьется сокол да с черным вороном, перебил сокол да черна ворона. Ясный тот сокол – Вольга-богатырь, черный тот ворон – то сам Сантал». Как видим, позитива нет совсем.

Уж кто-кто, а флагман и теоретик язычества, «человек, профессионально изучивший эпоху», должен бы знать такие вещи лучше других.

Что остаётся добавить после этого? Да, пожалуй, лишь одно.

Как вы яхту назовёте, так она и поплывёт.

Хотя, конечно, странно, когда Ворон пишет про Сокола.

Но мы опять несколько отвлеклись, вернёмся к походу Игоря на Византию в 941 году. Цитат, которые рассказывают о том, чем занимались наши предки в провинциях Империи, можно набрать ещё довольно много, даже не перетруждаясь. И везде будет одно и то же – поголовный грабёж.

Как, по-вашему, это называется? Лев Рудольфович сам назвал это явление – «набивание седельных мешков окровавленным барахлом». Правда, в этот раз набивали доверху лады.

Казалось бы, сколько можно? Ведь всему есть пределы. Собрали награбленное и аккуратно, не торопясь, без потерь повезли добро домой, чтобы не растерять в дороге. А уж на родине наслаждайся жизнью!

Но не тут-то было, Игорь медлил, возможно, что и его обуяла жадность, которую породила безнаказанность. С другой стороны, вполне вероятно, что князь всё прекрасно понимал, но уже не мог справиться с дружиной, которая разгулялась вовсю.

Такое бывает, когда всё слишком легко сходит с рук.

В итоге получилось как в сказке про Винни-Пуха – «а потом ещё немного, а потом ещё немного», а вылезти самому уже невозможно, пузо, простите, трофеи не позволяют...

Да и бросать их никак нельзя. В чём Игоря можно понять, так это в том, что конунга, или князя, или военного вождя ещё долго будут оценивать по взятой им добыче. И если он возвращался из похода с пустыми руками, то ни авторитета, ни популярности это ему не добавит.

В поход идут за добычей, а значит, должны её добыть. Воины должны вернуться домой довольными и богатыми. Именно из-за этого они рискуют жизнью. Ведь мы имеем в виду именно подобные набеги, поскольку угрозы для Руси в данной ситуации нет, а потому и для ратников нет необходимости жертвовать собой во имя Отечества. У них в настоящий момент другие приоритеты.

Так что из области одной только жадности мы можем добавить сюда ещё имидж, или статусность. Это тоже немаловажно.

Точно такая же проблема возникнет в своё время и у Святослава, по большому счёту именно из-за этого он и лишится жизни.

Добыча должна быть большой, и бросать её нельзя ни в коем случае. Это аксиома.

И тут из-за леса, из-за гор, а если быть точнее, то из Азии появляется армия ромеев под командованием доместика схол² Востока Панфира, нарушая всё веселье, а из Европы практически одновременно с ними подтянулись войска под командованием Варды Фоки-старшего, отца будущего императора. Случилось это только в десятых числах сентября.

Видимо, даже в эти сроки разгуливающаяся дружина Игоря неприятеля не ждала.

Возможно, появление вражеской армии вообще оказалось неприятным сюрпризом для русов, отвыкших от сопротивления и привыкших к полной безнаказанности.

С трудом отразив в течение дня все атаки панцирной кавалерии Империи, Игорь принял решение ночью грузить войска на ладьи и выходить в море.

С этого момента начинается самое интересное!

Ведь изначально византийские стратеги, действовавшие по шаблону, наделали кучу ошибок и теперь горели желанием их исправить. Удар по азиатским провинциям явился для имперского правительства полной неожиданностью, поскольку оно пребывало в твёрдой уверенности, что раз беда идёт с севера, значит, готовь к обороне столицу. Перестраховались, подождали и поняли, что враг пришёл, но не туда, где ждали. Надо срочно исправлять положение. Но и срочно не получилось. Три месяца срок немалый.

А что же по этому поводу нам поведает Лев Рудольфович?

Его трактовка событий, как минимум, поразительна.

«Заблаговременно извещенные греки успели перебросить к месту высадки русского десанта огнеметные корабли-хеландии патриция Феофила Синкела» (Л.П.).

Как вы, наверное, понимаете, «заблаговременно извещенные греки успели перебросить к месту высадки» свой флот только через три месяца после того, как русы эту самую высадку осуществили.

Вот даже интересно, а если бы их не заблаговременно предупредили, а чуть позже, скажем, уже после высадки русского десанта? Ведь если исходить из логики Льва Рудольфовича, получается, что византийские корабли только через полгода подтянулись бы к театру боевых действий!

Но это ещё ничего, цветочки, ягодки будут, когда мы поближе познакомимся с тем самым флотом, которым нас, а заодно и князя Игоря с дружиной, так пугает господин Прозоров.

Игорь был далеко не прост, да и воеводы у него тоже недаром ели свой хлеб. Они тщательно выбрали момент для нанесения удара.

² Доместик схол – командующий схолами (корпусом столичных войск).

Потому что в это самое время грозный военный флот Империи в Константинополе отсутствовал, ведя боевые действия против арабов в Средиземном море. Именно там сейчас разворачивались главные события. Может, ещё и поэтому русское войско задержалось так надолго в Анатолии и было так беспечно.

Знание – большая сила. В итоге русы решили, что ромеи в такой ситуации не осмелятся вступить с ними бой. Но просчитались.

Так что же за флот вступил в бой с кораблями Игоря?

Ответ мы находим у современника описываемых событий Лиутпранда, епископа Кремоны, чей отчим, как мы помним, в это время в качестве посла находился в Константинополе: в распоряжении императора находилось лишь «15 полуразрушенных хеландий, которые народ оставил дома из-за их ветхости».

Ну и где тот грозный флот, который мерещится Прозорову?

Он исчез, пропал, как пелена с глаз, а на его месте появилась рухлядь, которой ещё нужно было удержаться на плаву. Недаром Лиутпранд отметил, что «увидев их в море, король Игорь приказал своему войску взять их живьем (команду) и не убивать».

Сами видите, князь, в отличие от Льва Рудольфовича, не испугался этой небольшой флотилии полусгнивших, еле плывущих корыт, даже наоборот, преисполнился презрения к вражеским кораблям и их команде, а потому, вместо того чтобы отрываться и уходить в море, приказал атаковать врага, явно рассчитывая на лёгкую победу. Он решил проучить самоуверенных ромеев.

Но Игорь жестоко ошибся.

Именно по его инициативе морское сражение состоялось. Произошло оно 15 сентября 941 года. Этот день Игорь и оставшиеся в живых дружинники запомнили на всю свою жизнь.

Дело в том, что император Роман Лакапин, до того как стал базилевсом, был командующим военно-морскими силами Империи, а потому всё, что касалось ведения боевых действий на море, знал досконально. Видя, что его корабли проигрывают противнику как численно, так и качественно, он сделал ставку на преимущество византийцев в области военных технологий, а именно на греческий огонь.

Своим военным инженерам он повелел: «Разместите устройство для метания огня не только на носу, но также на корме и по обоим бортам».

А что же такое этот страшный «греческий огонь»?

Пожалуй, лучшее и при этом наиболее доступное описание этого страшного оружия мы нашли в книге «Храбры Древней Руси» В. Долгова и М. Савинова.

«Греческий огонь» – это боевая установка, состоящая из деревянной или металлической трубы, оборудованной поршнем и соплом. В трубу наливается сырая нефть (возможно, вперемешку со смолой). При нажатии на поршень нефть струёй била через сопло, её поджигали, и получалось что-то вроде огнемёта. Для деревянных кораблей это была верная гибель, ведь нефть нельзя потушить даже водой. Нефть горит даже тогда, когда растекается по водной поверхности. Так что выпрыгнув с борта в воду, команда поражённого корабля из одного огня попадает в другой».

Только представьте себе такую картину!

А базилевс, между прочим, своим решением увеличил боевую мощь имперских судов в три раза, хотя и риск от использования греческого огня соответственно увеличился. Но кто не рискует, тот не пьёт шампанского, а в такой ситуации если не рисковать, то тогда лучше было бы сидеть дома.

Однако риск, помноженный на знание и опыт, себя полностью оправдал.

Византийские моряки и солдаты показали себя с самой лучшей стороны, а командующий флотом патрикий Феофан выжал максимум возможного из тех скромных средств, что были в его распоряжении. Флот русов был сожжён, и лишь небольшая часть княжеских вои-

нов сумела спастись на берегу. Многие из них после сражения с ромеями попали в плен – их казнь потом и наблюдал отчим епископа Лиутпранда.

Лишь немногие ладьи во главе с Игорем сумели уйти к Боспору Киммерийскому (современная Керчь), а оттуда уже остатки некогда грозного воинства и добрались до Киева.

Подводя итоги похода, Лев Рудольфович разводит огорчённо руками и вздыхая сетует: «Не поражению Игоря надо удивиться – диво, что сам он уцелел, не попал в плен, вывел из пылающего ада изрядную часть войска».

То, что Игорь уцелел, не удивительно, наверняка княжескую ладью прикрыли другие суда русов, это им по долгу службы положено. Это и позволило князю уйти живым и невредимым, а вот утверждение о том, что он вывел изрядную часть войска, вообще вызывает серьёзные сомнения. В Супрасльской летописи есть чёткое указание на то, что после этого похода Игорь в Киев «отбежа в мале дружине», а про изрядную часть войска, которую он якобы вывел, – в источниках ни слова не сказано. Да и Лев Диакон отметил, что князь «к Киммерийскому Боспору прибыл едва лишь с десятком лодок, сам став вестником своей беды».

В итоге поход Игоря в 941 году закончился грандиозной катастрофой, причём главной причиной поражения явилась либо банальная жадность предводителя, либо неумение удерживать дружину в узде. А может, и то и другое вместе.

Что же касается Прозорова, то мы видим, как автор снова и снова создаёт образ идеального героя, без страха и упрёка и в этом стремлении частенько пренебрегает исторической правдой.

Однако не всё оказалось так печально. Игорь даже из этой катастрофы сумел извлечь определённую и немаловажную пользу. И не только пользу, но и прибыль.

Только случилось это двумя годами позже.

Через два-три года неуёмный князь, желая сатисфакции, или проще говоря, кипя от обиды и злости, вновь направился в пределы Империи – мстить. Недаром Ермолинская летопись отмечает, что едва князь вернулся на Родину, как сразу же окунулся в работу: «И начать Игорь многие воа совокупляти». Ну а зачем Киевский князь снова ринулся в поход, та же летопись и рассказывает: «Игорь поиде со множеством вои на Греки, **хотя себе мстити**».

«Повесть временных лет» помещает этот поход под 944 годом, но, возможно, более правильной датой является 943 год. По крайней мере, Н.М. Карамзин и Б.А. Рыбаков помещают его туда.

В этот раз князь подготовился более основательно, собрал рать со всех подвластных славянских земель, нанял варягов с печенегами, и со всей этой мощью двинул по морю и суше на Империю. Но в этот раз повоевать не пришлось совсем.

Не успел Игорь дойти до Дуная, как его и встретило византийское посольство: «Они же, слышавши безыконечну его силу, послаша ко Игорю: «Не ходи на них, а возми дань, яко жь Олег» (Супрасльская летопись).

Второй поход на Империю закончился полным успехом – без боя удалось получить громадный откуп и восстановить прежние договорённости с Византией.

Ромеи уже знали, с кем имеют дело, и несмотря на предыдущую победу, вступать в конфликт остереглись, понимая, что в этот раз всё может закончиться не так хорошо для них. В этот раз русы идут не просто за добычей, они идут воевать, а это совсем иное дело.

Как повёл бы себя конкретно Игорь в этой ситуации, неизвестно: взял бы откуп или стал воевать дальше. Вполне вероятно, что князь хотел реабилитироваться как полководец за прошлое поражение, но в дело вновь вмешалась дружина. Это уже второй такой случай, когда её мнение перевешивало желание князя, и Игорь вновь вынужден был идти у неё на поводу. И «сказала же дружина Игорева: «Если так говорит царь, то чего нам еще нужно, – не бившись, взять золото, и серебро, и паволоки? Разве знает кто – кому одолеть: нам ли, им

ли? Или с морем кто в союзе? Не по земле ведь ходим, но по глубине морской: всем общая смерть» («Повесть временных лет»).

Летописец прямо так и пишет, что «послушал их Игорь», а итог подобного давления оказался закономерен, поскольку мир с базилевсом был заключён: «И створи с ним мир и по миру Олгову» (Супрасльская летопись).

Казалось, что все довольны, но в действительности Игорь сделал следующий шаг навстречу собственной гибели.

Тут, кстати, даже САМ Лев Рудольфович замечает по этому поводу: «Игорь советовался с дружиной и поступал, как она скажет».

То есть вновь вопрос мира и войны решает не князь, решают его люди.

Сейчас для его воинов была важна только добыча, воевать, помня о совсем недавнем печальном прошлом, они не желали.

Но есть во всём этом одна очень интересная закономерность – дело в том, что Игорь проводит ту же политику, которую в своё время проводил князь Осколд. Как под копирку! Оба воюют с древлянами и уличами, оба отражают печенегов, и оба совершают походы на Византию! Причём по два похода, из которых один неудачный. Да умирают князья насильственной смертью. Однако одного из них Прозоров объявляет государственным гением, а другого поливает грязью...

Но вернёмся к первому походу. Поражение поражением, но есть два вопроса, извечно волнующих русских людей. Кто виноват и что делать?

Без стрелочников никак нельзя, а по понятиям Льва Рудольфовича возложить вину на князя, который, по его мнению, «ясное солнце... государственного и полководческого гения», невозможно. Так кто же тогда, по его мнению, истинный виновник трагедии?

Возможно, вы удивитесь, но это болгары, благодаря которым, по авторитетному мнению маститого писателя, Игорь оказался в западне.

Ну и, конечно, греческий огонь. К нему вернёмся позже, а пока болгары.

В чём же их обвиняет автор?

«И попал в эту ловушку князь не по недомыслию. Византийцев предупредили болгары. Они, как видно, предпочли «братьев во Христе» из Византии, звавших их, болгар, «жалким и гнусным народом», кровным братьям-русам» (Л.П.).

И снова здравствуйте! В очередной раз мы имеем ещё одну попытку рассказа сказки о болгарских «братушках». Въевшийся стереотип, который живёт в сознании русских людей со времён Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Только почему-то помнят о нём русские, а не болгары, которые и в Первую мировую войну и во Вторую сражались на стороне врагов России.

Об этом тоже нельзя забывать.

А в те древние и дремучие времена помогать «кровным братьям-русам» у болгар не было и вовсе никаких оснований – они были надёжными союзниками Империи, а их царь Пётр был женат на представительнице императорского дома, являясь, таким образом, родственником самого базилевса.

Русы для болгар были лишь язычниками, которые шли воевать против христианского государства, с которым у болгар были прочные союзные отношения.

В X веке «братушки» наших предков явно не жаловали, пакостили им при каждом удобном случае. До вооружённых столкновений дело доходило не единожды.

Говорим на полном серьёзе, не претендуя на открытие и сенсацию – сведений о братской дружбе между русами и болгарами в X веке в природе не существует. Недаром академик А.Н. Сахаров, говоря о взаимоотношениях Руси и Болгарии в это время, отметил, что «от тех лет у нас нет об этом иных свидетельств, кроме факта враждебных действий Болгарии по отношению к Руси в 941–944 годах».

Соответственно и искать эти данные бессмысленно. Зато о враждебных действиях между двумя государствами их более чем достаточно – как в византийских источниках, так и в русских летописях.

Ведь именно болгары когда-то убили сына князя Осколда, а потому ни о какой трогательной дружбе двух народов в те времена и речи быть не могло.

Ну а что касается похода Игоря на Империю в 941 году, то по большому счёту болгары могли хоть каждый день слать в Константинополь предупреждения о движении флота русов, это значения не имело, князь всё равно ударил там, где его не ждали. Будь Игорь чуть пораспоропнее, он мог раз десять уйти с добычей, невзирая на все ловушки и приманки, выстроенные хитроумными предателями-болгарами.

Просто подводя итоги чудовищного разгрома, от которого никак не уйти, Лев Рудольфович, как обычно, старается оправдать своего героя, что получается у него в этой ситуации довольно неуклюже.

А на вопрос, что делать, ответил сам князь, избежав во втором походе всех ошибок и получив без пролития крови заслуженную добычу.

Но остался ещё вопрос о страшном оружии – греческом огне.

Оружие действительно страшное и русами никогда не используемое. Против него на воде у наших предков не было равного аргумента.

И вот Лев Рудольфович представляет нам князя Игоря как «первого – и единственного – из соседей Восточного Рима, разгадавшего тайну греческого огня и вплотную подошедшего к созданию подобного же оружия».

Дух захватывает от такого откровения. Только вот как вы сами уже понимаете, сведений об этой стороне деятельности Игоря в источниках нет, есть только версия писателя.

По ней, князь отправил на Кавказ воеводу Свенельда с дружиной, чтобы тот закрепился в районе города Бердаа и стал бы там добывать нефть, из которой на Руси планировали изготавливать греческий огонь.

Размах полёта мысли Прозорова поражает, но не даёт покоя всего один вопрос – как эту самую нефть, добытую отважным Свенельдом, доставлять из Бердаа, которое находилось у чёрта на куличках, в Киев, где должно было быть налажено производство «чудо-оружия»?

Нефтепровод «Киев – Бердаа» Свенельд построить не мог, инструмента подходящего под рукой не нашлось, да и технологии не позволяли, а если бы и смог, то транспортировать нефть по суше было просто невозможно, потому как пролегал бы он исключительно по территориям народов, недружественно настроенных к Руси, которые всенепременно постарались бы его изничтожить. Те же хазары постарались бы не допустить такого транзита любой ценой. Например, наняли бы печенегов, ясов, касогов, да мало ли кого, но диверсию бы сотворили. А охрану на каждом километре нефтепровода не поставишь. Чужая земля, её легче завоевать.

Постройка отменяется. Что остаётся? Остаются караваны и обозы. Но сколько ими доставишь и какова нужна охрана, чтобы провезти хоть один такой обоз? Мало того, сколько на это нужно времени? Притом один или даже два удачно дошедших с грузом каравана не решат проблемы. Шкурка выделки не стоит.

Попытка добраться до устья Днепра морем на ладьях, а уже оттуда до Киева, была бы несостоятельна, поскольку византийский флот мог наглухо перекрыть это самое устье, а на порогах поджидали бы те же самые печенеги. Из Херсонеса зорко следили за тем, что происходит в близлежащих землях, и вряд ли попытка поставлять в Киев нефть из Бердаа прошла бы незамеченной для агентов Империи.

Это не единственный аргумент, подтверждающий всю нелепость гипотезы Льва Рудольфовича, есть и другие.

В то время позиции Руси на Боспоре Киммерийском были очень крепки, Лев Диакон так прямо и называет эти земли владением Игоря и Святослава. Принимая во внимание этот факт, получаем, что нефть можно было взять и поближе. Причём без особого риска.

Дадим слово Константину Багрянородному: «Должно знать, что вне крепости Таматарха (Тмутаракань) имеются многочисленные источники, дающие нефть».

Видите, и ходить далеко не надо, и транспортировать гораздо проще, да и войска в случае нужды можно подтянуть, это не к Каспийскому морю топать. Дальше царственный автор называет ещё несколько мест, где можно добывать нефть, и все они гораздо ближе к Киеву, чем Бердаа.

«Следует знать, что в Зихии, у места Паги, находящегося в районе Панагии, в котором живут зихи, имеется девять источников, дающих нефть, но масло девяти источников не одинакового цвета, одно из них красное, другое – желтое, третье – черноватое».

Под именем зихов в Античность и Средние века были известны племенные объединения адыгов и абхазов, проживающих в Восточном Причерноморье, а это опять-таки не регион Каспийского моря.

Базилевс перечисляет ещё массу нефтяных месторождений в этих же районах, а потому возникает дилемма – или князь Игорь об этом не знал и сдуру погнал Свенельда в Бердаа, или об этом не знал Лев Рудольфович, хотя, как человек, «профессионально изучавший эпоху», должен был бы знать. Ответ выбирайте сами.

Опять же, расстояние от Киева до Бердаа было примерно 1700 километров, а вот от Киева до Боспора Киммерийского, а оттуда до Тмутаракани примерно 980 километров.

Как говорится, почувствуйте разницу.

Косвенным подтверждением того, что ни за какой нефтью Свенельд не ходил, а князь Игорь никакую тайну греческого огня не разгадывал и чудо-оружие не создавал, служит тот факт, что когда его сын Святослав овладел Тмутараканью и всем регионом, то исследований своего отца он не продолжил, и нефтяными разработками не заинтересовался. Хотя в преддверии похода на Балканы и мог бы, там ему это чудо-оружие могло очень пригодиться.

Вот тут бы Льву Рудольфовичу и самое время выдвинуть теорию о том, как зловерные христиане уничтожили все разработки Игоря, и сыну ничего не досталось – это было бы как раз в его духе, мощно, от души, по-прозоровски. Но он не догадался, а мы видим, что никакой сенсации в итоге не произошло.

А что же делал в Бердаа Свенельд?

Всё просто, целью похода Свенельда был всего-навсего банальный грабёж, а не далеко идущие стратегические планы.

То, что русы так надолго задержались в Бердаа и попытались там закрепиться, было в какой-то мере делом случая, поскольку изначально всё сложилось для них очень удачно, а они просто воспользовались подходящим моментом.

Что же и как там на самом деле происходило?

Лев Рудольфович убеждает нас, что надо верить «фактам, сообщаемым Ибн Мискавейхом»! Что ж, давайте поверим!

Только поверим учёному-арабу, а не Прозорову. Поскольку писатель остался верен себе, и рассказав о первой части сообщения Ибн Мискавейха, которая полностью отвечала его теориям, он тактично упустил из виду вторую, которая шла в противовес его доводам.

А для этого не просто заглянем в знаменательный труд, но и процитируем абзац для пущей ясности.

Читаем: «После того, как не выпало на долю Русов ничего, подвергли они мечу и убили всех до последнего человека, кроме небольшого числа, кто убежал по узкому каналу, по которому проходила вода к соборной мечети, и кроме тех, кто выкупил себя с помощью богатств, принадлежащих ему. И часто случалось, что кто-нибудь из мусульман заключал

сделку с Русом относительно той суммы, которую он выкупал себя. Тогда Рус шел вместе с ним в его дом или его лавку. Когда хозяин извлекал свое сокровище, и если его было больше, чем на условленную сумму, то не мог он оставаться владельцем его, хотя бы сокровище было в несколько раз больше того, на чем они сговорились. Он (Рус) склонялся к взысканию денег, пока не разорял совершенно. А когда он (Рус) убеждался, что у мусульманина не осталось ни золотых, ни серебряных монет, ни драгоценностей, ни ковров, ни одежды, он оставлял его и давал ему кусок глины с печатью, которая была ему гарантией от других.

Таким образом, скопилось у Русов в городе Бердаа большое богатство, стоимость и достоинство которого были велики. Овладели они женщинами и юношами, прелюбодействовали с теми и другими и поработили их» (Ибн Мискавейх).

Картина маслом.

Что-то ещё имеет смысл добавлять?

Имеет. Послушайте, что вещает об этих же делах Прозоров. «С местным населением русы обращались на удивление терпимо и благородно». Немного странное понятие о терпимости и благородстве у Льва Рудольфовича, вы не находите?

А теперь только представьте, что бы было, если б местные жители разозлили наших богатырей!

Зачем, вопрошает Прозоров, эти «упорные попытки найти общий язык с местным населением»? Вот как он это тактично называет. Оказывается, таким милым образом наши предки искали общий язык с аборигенами и заводили друзей. Творения Дейла Карнеги писатель явно проигнорировал.

А закончилась вся эта дружба вот так. «Когда уменьшилось число Русов, вышли они однажды ночью из крепости, в которой они пребывали, положили на свои спины все, что могли, из своего имущества, драгоценностей и прекрасного платья, остальное сожгли. Угнали женщин, юношей и девушек столько, сколько хотели, и направились к Куре». (Ибн Мискавейха).

Вот и всё бескорыстие. Как в былине «Волх Всеславович».

Характерно, что про события в Бердаа Прозоров рассказывает своими словами, выдёргивая из рассказа учёного-араба лишь те цитаты, которые подкрепляют его идеи. И как бы ни хотелось идеологу язычества показать, с какой радостью принимали русов на оккупированных землях, все его потуги разбиваются вдреизг фразой, которой Ибн Мискавейх заканчивает рассказ о пребывании русов в Бердаа: «Бог спас мусульман от дела их».

И пока мы не далеко ушли от ратных деяний князя Игоря, разберём ещё два перла Льва Рудольфовича.

Как-то раз, мимоходом, великий знаток военного дела Древней Руси обронил довольно странную фразу: «Вооружение Игоря и его воинов ничем, в принципе, не отличалось от такового же у Дария, Кира или римлян».

Вот тут действительно задашься вопросом: автор сам-то понял, чего понаписал?

Для начала достаточно просто сравнить вооружение римского legionera времён Республики и персидского воина, чтобы понять всю нелепость подобного утверждения. Затем в научно-познавательных целях сравнить вооружение воина Киевской Руси X века и вооружение преторианца эпохи Римской империи. Затем legionеров времён Республики и Империи. Затем персидских «бессмертных» и княжеских gridней.

Подобной ерундой можно заниматься до бесконечности, и всё с одним и тем же результатом. При всём своём желании никакой схожести мы не обнаружим. Зато обнаружим другое явление – полную некомпетентность писателя в данном вопросе.

Ну и последним поводом для гордости Прозорова была мечта показать Игоря первым «из правителей Руси, не посылавшим послов в Царь городов, но принимавшим ромейских посланцев в своей столице».

Что тут сказать.

Учитесь работать с источниками, «человек, профессионально изучивший эпоху»! Открываем недоступную для Льва Рудольфовича «Повесть временных лет» и под годом 6453 (945) читаем чёрным по белому: «Присла Роман и Костянтин и Степан послы к Игореву построи́ти мира первого. Игорь же гла с ними о мире, **посла Игорь муже свои к Роману**. Роман же созва боляре и сановники приведоша Русские послы и велеша глти и псати обоих речи на харатье».

Вот и русские послы в Константинополе. Это не унижение и не повод для гордости, это обычная процедура между странами, пытающимися о чём-то договориться.

И явно не по собственной инициативе они пришли в Царьград, а по воле князя Игоря, ибо, как мы знаем, сами послы по своей воле никуда не ходят. И конечную цель своего визита не им выбирать. Но факт остаётся фактом, даже в этом Прозоров ошибся. Если быть точнее, сболтнул сгоряча, не подумал.

Вроде бы мелочь, но из таких вот мелочей и состоит всё творчество Прозорова, а потому и вывод напрашивается соответствующий – автор сознательно искажает отечественную историю.

Создаётся впечатление, что мир своих собственных фантазий служит Льву Рудольфовичу единственным источником информации, заслуживающим доверия.

В остальные же письменные источники он заглядывает редко или не заглядывает вовсе, а просто излагает то, что ему взбрѣдет в голову, бесцеремонно подстраивая ход исторических событий под своего героя, свою теорию, свою религию.

Напоследок обратимся к теме, которая представляет наибольший интерес для большинства читателей, – смерть князя Игоря.

Вспомним, как она изложена в школьных учебниках истории и сравним с тем, как в очередной раз Л. Прозоров будет передѣргивать общеизвестные факты в угоду собственной теории.

Со школьной скамьи нам известно, что причиной гибели князя Игоря стала банальная жадность. Однако «ясное солнце... государственного и полководческого гения» не имеет права на обычные человеческие слабости, а значит, не всё так просто, поэтому надо найти иных виновных.

Казалось бы, всё понятно. Жадность взяла верх, а древляне потеряли терпение и, воспользовавшись выпавшим на их долю удобным моментом, взяли в плен и казнили своего угнетателя.

Значит, виноваты древляне? Нет!

Может, собственная дружина, которую обуяли алчность и зависть?

Снова нет! Неужели опять христиане? ДА!!!

Процитировав известный летописный рассказ о том, что причиной гибели Игоря в земле древлян стала банальная жадность, Лев Рудольфович начинает изворачиваться: «Вот уж правда: обстоятельства смерти способны перечеркнуть целую жизнь. Тут хватило описания этих обстоятельств. С этого единственного отрывка началось победное шествие по страницам ученых трудов и исторической прозы «Игоря»-карикатуры. Кто не читал «Повесть...», тот читал популярные книжки или романы Скляренко, Пономарева. И все твердо знают: Игорь Рюрикович – алчный и глупый грабитель, бездарный полководец, безрассудный авантюрист, слабак, проще говоря, никудышный правитель».

Для начала достаточно. К сведению господина Прозорова заметим, что в произведениях Пономарева и Скляренко нет даже намѣка на то, что «Игорь Рюрикович – алчный и глупый грабитель и т. д. и т. п.». Лев Рудольфович городит откровенную чепуху, поскольку либо он эти книги не читал, а если и читал, то невнимательно.

Впрочем, это уже не удивляет.

Идём дальше: «Сунулся, недотепа, с малой дружиной прямо в пасть им же только что ограбленным древлянам. И мало кто удосужился перечитать летопись целиком – и обратить внимание на бьющие в глаза нелепости этого карикатурного некролога».

Ладно, согласились, удосужились, прочитали летопись целиком – и где они, нелепости? Оказалось, что всю свою теорию автор строит на идеализации отношений между князем и дружиной.

«Чему там нет примеров, так это тому, чтобы дружина в походе оставила своего вождя, по приказу или без» (Л.П.).

Странное утверждение, но за примером далеко ходить не будем, и назовём первое, что придёт на ум, – в 1015 году дружина покинет своего князя Бориса во время похода, и тот сразу же будет убит.

Святослав после окончания войны с Византией отправит своих конных гридней в Киев, а сам с пешей ратью отправится водным путём – и ничего. Уйдут дружинники как миленькие и даже не возмутятся! Но Лев Рудольфович упорно продолжает развивать свою мысль, и делает вывод о том, что всё было хорошо, пока ромеи не уничтожили старую дружину Игоря, в которой все были сплошь язычники. А тот потом взял да и наберёв в неё от безысходности варягов-христиан.

«Игорь сильно пополнил свою дружину выходцами с Варяжского моря. То есть большинство княжеской дружины в ту злополучную осень – новички-варяги, не прошедшие с князем ни одной битвы».

Хорошо, а как же тогда утверждение того же Прозорова о том, что Игорь «вывел из пылающего ада изрядную часть войска»?

Получается, что либо тут либо там, а снова лукавит писатель!

Ну да ладно, сейчас для нас важнее другое – автор взял христианский след и со сноровкой хорошего охотничьего пса ринулся вперёд: «Совершенно ясно, что в дружине Игоря пребывали варяги-христиане, и в немалом числе».

И можно было бы во всё это поверить и согласиться, если бы только летописные свидетельства не развеяли в дым все мудрёные построения Льва Рудольфовича об идеальных отношениях князя и дружины.

У Игоря таких отношений быть не может. Мы не будем спорить о том, любила дружина князя или нет. Главное, что она не всегда считалась с его желаниями, частенько навязывая Игорю свою волю, и он каждый раз вынужден был уступать. Эти примеры вы уже видели. Истоки его трагической гибели берут начало именно от этих отношений. Это единственное, в чём Прозоров прав, только надо поменять знаки. Плюс на минус.

Очередной конфликт князя с дружиной разразился, когда в столице объявился вернувшийся с Кавказа Свенельд. Мы уже знаем, зачем он туда ходил и чем там занимался в течение года. Версию о добыче нефти отбросим за непригодностью.

Поход Свенельда был на редкость удачен.

Когда его гридни оказались в Киеве, то всё награбленное добро они выставили напоказ, и было оно так велико, что у Игорева дружины глаза на лоб полезли от зависти.

Стала душить добрых молодцев жаба. И не в первый раз. И пусть Лев Рудольфович на все лады распевает песню о долге и верности, пусть разводит руками в недоумении и задаётся вопросом: «Что же это за загадочная дружина, которой закон чести не писан?», ответ на этот вопрос есть.

И он достаточно прост – эта «загадочная дружина» изначально была при князе Игоре, поэтому и избаловалась, можно сказать распустилась, чувствуя себя гораздо важнее самого правителя. Такое бывает. Правда, не часто. Так вот, причиной третьего и последнего конфликта Игоря со своими людьми стала алчность. Алчность и зависть.

Не князя Игоря, а именно дружины.

Очевидно, и Прозоров чувствует уязвимость своей позиции, а потому заходит с другой стороны и утверждает, что нечего было людям Игоря искать в Древлянской земле, поскольку там и поживиться-то нечем, так, «мед и меха» – все сокровища древлянские. Это после золота и шелков соответственно...»

Странно, но эти самые меха и мёд русские купцы вывозили в Константинополь и на Восток, где они пользовались огромным спросом. Но для Льва Рудольфовича это мелко, поэтому отмахнувшись от «мёда и мехов», он продолжает идти по следу.

«Может быть, русы Игоря не имели понятия о настоящих сокровищах? И опять не сходится. Два удачных похода на Византию, груды добычи...»

Какие два удачных похода, какие груды добычи?

Удачным был только один поход, 943 года, а после первого еле ноги унесли. Не до барахла было, жизнь спасали.

Да и после, в 943 году дружинники на Дунае довольствовались откупом, а откуп – это несколько иное понятие, чем военная добыча, – русы не жгли города, не грабили деревни, не разоряли вражеской территории, до которой они так и не дошли, поскольку замирились с византийцами, так и не вступив в земли Империи.

Вот печенег – дело другое, их Игорь как отправил Болгарию воевать, так там они добычей и разжились, в отличие от русов.

Но автор продолжает убеждать читателей в своей правоте: «...А мы наги». Вообще-то, дружина Игоря летом того же года получила огромный откуп во время похода на Византию. Князь «взял у греков золота и шелка НА ВСЕХ ВОИНОВ». Сколько, кстати? «Дань, какую Олег брал, и еще», поясняет летопись. Олег Вещий, по той же летописи, брал по 12 гривен на брата. Гривна – 200 граммов серебра. Конь стоил 2 гривны. Боевая морская ладья с набойными бортами – 4. Оценили? Стоимость трех боевых ладей шелками и золотом. Какое там «наги» (Л.П.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.